

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

Кукловод

книга третья

Князь

Константин Георгиевич Калбазов

Кукловод. Князь

Серия «Кукловод», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21229199

Кукловод. Книга 3. Князь : [фантастический роман] / Константин

Калбазов; Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88814-6

Аннотация

Весь мир – театр, а люди в нем – актеры. Для кого как, а для Сергея Шейранова это вовсе не фигура речи. Ведь он – Кукловод, человек, способный подселиться в другого и управлять им по своему усмотрению. Впрочем, не по собственному желанию, а по сценарию устроителей реалити-шоу, разворачивающегося в самых разных эпохах. Сначала Шейранов был офицером Особого Кавказского корпуса, в середине девятнадцатого века. Потом принимал участие в Первой мировой войне, в начале двадцатого века. И вот теперь век двадцать первый... Человечество, ставшее на грань полного уничтожения, разбилось на мелкие удельные княжества. Ну а коль так, то человек целеустремленный, волевой и решительный вполне может заполучить собственное княжество. А что? «Князь», звучит гордо...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Константин Калбазов

Кукловод. Князь

© Калбазов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Бандит

– Катерина, ты далеко-то не отходи, – невольно осматриваясь по сторонам, произнес мужчина лет пятидесяти пяти.

Ну и что с того, что вокруг степной простор. Это только на первый взгляд тут все, как на ладони. А на самом деле, если с умом, то в степи можно укрыться не хуже, чем в лесу. Овраги, балки, промоины, русла ручьев и речек, камыши, заросли высокой травы. Всего этого в избытке даже в Калмыцкой степи, а уж в этих краях и подавно. Предгорье. Так что степь тут изрезанная складками, как лицо старика морщинами.

– Да я тут, рядом, – послышался в ответ задорный девичий голос.

Парень, устроившийся на одеяле, расстеленном на траве, замер, так и не донеся до рта ложку с кашей. После чего невольно обернулся, отыскивая девушку взглядом. Ну невозможно нормальному мужчине проигнорировать такой чистый и звонкий голосок. Хотя бы оттого, что он по определению должен принадлежать писаной красавице.

Ну и что с того, что с обладательницей этого голоса он уже не первый день путешествует бок о бок. Это дело такое. Красотой любоваться никогда не устанешь. А посмотреть тут было на что. Статная, стан тонкий, как лоза, крутые бедра,

толстая русая коса, овальное личико с правильными чертами и природным румянцем. А еще глаза. Большие, голубые, с завывающимися длинными ресницами и темными дугами широких бровей.

Оно, конечно, девице больше пристало хаживать в сарафане, а не в армейской песчанке. Но, с другой стороны, в дорожке форма куда удобнее. Да и не испортить никакой одеждой такую красоту. Ты ее хоть в рубище наряди, а все равно от одного только взгляда нервно сглотнешь, дабы не пустить слюну по губе. Красавица, чего уж там.

– Паша. Паша, итить твою, через коромысло.

– А? Что? А, дядь Ваня? – встрепенулся паренек, получив тычок в плечо, от чего едва не уронил с ложки кашу.

– Доедай быстрее и меняй Петра. Еще чуть, и Прохор Иванович погонит нас дальше.

– Ага. Я мигом, дядь Ваня, – запихивая в себя кашу, но продолжая искать взглядом девушку, ответил паренек.

– Да не гляди ты так. Ишь слюни пускает. Дай девке до ветру спокойно сходить. А то вот так сглазишь, и она еще до кустиков напрудит в штаны.

– Да ладно, дядя Ваня. Скажешь тоже. Я не глазливый.

– Ну да, ну да, разве что до баб охочий. Сколь в пути, все с девки глаз не сводишь.

– А что, нельзя? За погляд денег не берут.

– Да денег-то не берут, а вот морду начистить могут. Ты не гляди, что Прохор Иванович купец. Купцом-то он лет де-

сять как. А до того в наемниках был, и помотало его по нашим краям, от моря и до моря. Когда он начинал, тут такое творилось, что не приведи господь. Банд было больше, чем честного люда. До смешного доходило, они даже друг друга грабили.

– Ты уже не раз это рассказывал, дядь Ваня.

– А ты лишний раз послушай, не обломишься. И потом я это к тому, что с купцом нашим шутки плохи. У него ничего дороже дочки на этом свете не осталось, и за нее он тебе на одну ногу наступит, а за другую разорвет, как лягуху. И учти, я это не для красного словца говорю. Сила в нем дурная.

– И что же, он Катерину свою век подле себя держать станет?

– Век не век, а за наемника голоштанного не отдаст. Кашу доел?

– Ну, доел.

– Не нукай, оболтус. Марш Петра менять.

Получив в качестве ускорения легкий подзатыльник, паренек поднялся со своего места и, подхватив «АКМС», полез на крышу кунга. Там располагалась пулеметная точка. Продуманная такая точка, надо сказать. Эдакая бочка, внутри которой сиденье для пулеметчика, что-то вроде системы в БТРе. Крутиться можно на триста шестьдесят градусов. Правда, пулемет ручной, «дегтярев» с ленточным питанием, но оно и лучше.

Огневая точка рассчитана на одного человека и установ-

лена над десантным отделением сразу за водительской кабиной. Там находятся остальные наемники, и высокий потолок, как в грузовом отделении, им ни к чему. Двери отделения бронированные с бойницами. Кабина, кстати, также усилена, и стекла толстые, не каждая пуля возьмет.

Оно, конечно, тяжеловата конструкция. Но, с другой стороны, в «КамАЗе» тяжелый груз не так чтобы и часто бывает. Скорее уж объемный. Но Верзилин без раздумий уступил часть объема, чтобы защитить охрану. Иные купцы трясутся над каждой копейкой и лишним свободным кубометром кузова. А того не понимают, что только живой наемник может обеспечить сохранность груза, а не холодный труп.

Павел поставил ногу на перекладину лесенки и быстро вскарабкался в гнездо. Перехватил ироничный взгляд Петра, тот наверняка слышал отповедь дяди Вани, вот и потешается. Уж он-то давно смирился со своим положением и точно знает, что когда-нибудь встретит свой конец в поле. Да он и не хочет ничего менять, живет днем сегодняшним.

А сам Павел? Чего хочет он? Когда подряжался в наемники, вроде как знал точно. Ему хотелось путешествовать, жить жизнью, полной опасностей и струящегося по жилам адреналина, погони, схватки, перестрелки, разбойники, горцы. Романтика! Его не смогло остановить даже то, что в этой ватаге он занял место их погибшего товарища.

Изменилось ли что за последний год? До этой поездки он знал точно, чего хочет. А вот после того, как впервые уви-

дел Катю, Катеньку, уже и не уверен вовсе, что хочет именно этой бродяжьей судьбы. Нет, наемничать ему нравилось, даже после трех нападений, что приключились за этот год. Но еще захотелось, чтобы было куда возвращаться, чтобы дом, жена, дети. Правда, как это совместить с его бродяжничеством, непонятно.

Хм. А хоть бы и в купцы податься, как Прохор Иванович. Чай зятя-то к делам приставит, дочка-то у него одна отрада, не обидит. Тут главное к девке подступиться, а там уж она и сама с батюшкой сладит. Видно же, что веревки из него вьет, так что, если захочет за наемника, отцу только и останется, что руками развести. Ну а Павел... А что Павел? Он со всем уважением. Конечно, выгоду свою видит, но и девка чудо как хороша и пригожа. И дело тут вовсе не в том, что красива, плюсом к этому идет правильное воспитание. Словом, из нее получится настоящая спутница жизни. Ну и чего еще мужику нужно? То-то и оно.

Вот только мало глаз на кого положить, нужно еще сделать и так, чтобы девка на тебе взор остановила. А вот с этим пока никак не ладится. Оттого и потешаются над ним ватажники, что ничего-то у него не получается. И так старается, и эдак, а во взоре Катерины только одни смешинки скачут. И какой бы очаровательной она в этот момент ни была, для Павла это ничего не значило. Он для нее был просто забавным, и не более.

Оставшись один, Павел привычно разместился на сиде-

ные и, перебирая ногами, быстро крутнулся вокруг оси, поведя по окружности пулеметным стволом. Нормально. Люлька вращается легко, без задержек. Щитки вокруг прикрывают пулеметчика вполне надежно. Чтобы иметь обзор вокруг и не вращаться все время, как юла, имеются боковые бойницы. А можно и вовсе подняться на ноги, тогда броневая защита едва до пояса достает.

Надежно получилось, чего уж там. А защищенная пулеметная точка дорогого стоит. Бандиты ведь на тракт не воевать выходят, а за добычей. Хабар же все больше живым нужен, мертвым он без надобности. Поэтому как только нарвутся на ответку, по большей части отходить начинают. А уж коли в дело вступит пулемет, так и подавно геройствовать не будут. Причем не только русские лиходеи, но и горцы. Для них ведь это тоже промысел.

Собственно, поэтому и наемничьи ватаги редко когда бывают больше четырех человек. Опять же купцы не станут нанимать большие отряды. Прохор Иванович ведь из купцов средней руки. Вон у него целый «КамАЗ» с прицепом. А ведь основная масса на «ЗиЛ» и «ГАЗонах», да еще и без прицепов катаются. И оборот соответственно у них куда как скромнее. Так что частенько их охрана состоит из пары бойцов. Такие двойки и составляют основную массу наемников.

Конечно, есть и большие отряды, но эти, как правило, имеют дело с купеческими караванами, из нескольких машин. И не обязательно весь караван будет принадлежать од-

ному богатому купцу. Хватает одиночек, что сбиваются в караван, чтобы сэкономить на охране. В складчину-то дешевле получается, чем каждому думать о себе. А слаженный отряд из десятка бойцов дорогого стоит. Такие караваны тати стороной обходят. Но сводные караваны в основном для поездок на ярмарки.

Верзилин же сам по себе. Ездит по заведенному маршруту. В селах, станицах и городах его знают, заказы делают и ждут, когда подвезут товар. Конечно, он и на ярмарках бывает, не без того. Вот сейчас они едут в Баксан, где ярмарка действует круглый год. Тут сходятся для торговли русские и горцы. Но ярмарки у купца включены в основной маршрут, по которому он делает оборот раз в месяц.

– Егор, ну чего там у тебя? Скоро управишься? – послышался недовольный голос купца.

– Прохор Иванович, малость осталась. Полчаса, и все будет готово.

Обычно купцы так подгадывают маршрут, чтобы делать остановки в каких-либо селениях. Если же нет полной уверенности, что засветло доберутся до следующего жилья, то и в путь не выступают. Даже обедают обязательно в каком-нибудь поселке, пусть и своими запасами, а не в закусочной, чайной или пирожковой. Безопасней оно так. Как говорится – не буди лихо, пока спит тихо.

Поэтому водилы, перед выездом, тщательно проверяют машины каждое утро. Случись такая неисправность, что в

поле сам не управишься, и может прийти настоящая беда. Но случается и вот такое, когда поломка внезапно застает в чистом поле. Сколько ни проверяй, а от всего не убережешься. Дорога любит подбрасывать разные сюрпризы...

Катя обернулась на стоящую в чистом поле машину. Высокая трава без труда скроет ее от мужских взглядов. Но то от тех, что на земле. А вот от наблюдателя на огневой точке – вряд ли. Хм. И уж тем более от Пашки, чья рыжая шевелюра показалась на крыше кунга. Она ведь не глупая, понимает, что паренек глаз с нее не сводит. Запала она ему в сердце. Да только он ей как мужчина ну совсем не интересен, хотя и видный из себя, чего уж там. Так что этот точно будет на нее пялиться.

Девушка мстительно показала в сторону «КамАЗа» язык, хотя наемник и не мог этого рассмотреть, потому как бинокль у него сейчас висит на груди. Только попробуй он за него взяться, чтобы глянуть в ее сторону, и ему несдобровать. Уж она-то батюшке обскажет, как Пашенька службу нес. Он, конечно, лупцевать парня не станет. К чему, если это ума все одно не прибавит. А вот оплату за халатность в работе срежет. Потом пусть воспитывают провинившегося свои же ватажники. Его ведь на пост поставили не для того, чтобы за девками смотреть.

Ну вот, а она о чем. Парень бросил на нее последний взгляд и перевел взор в другую сторону. Ну да, никто на его порядочность полагаться не собирается. Катя ухмыльнулась,

словно хотела сказать, что ее на мякине не проведешь, после чего сделала несколько шагов в сторону и укрылась за раскидистым кустом шиповника. В общем-то она к нему и направлялась. Вот так. Оно и от стоянки недалеко, и хоть все глаза прогляди, а ничегошеньки не увидишь.

Она уже справила малую нужду, когда кто-то схватил ее сзади и, зажав рот, тут же повалил на землю. Кто? Как? С какой целью? Все это не имело значения, да и не задавалась она подобными вопросами. Ее обуял самый настоящий ужас. Эти земли не то место, где кто-то станет устраивать розыгрыши и шутки. Это в окрестностях родного Ставрополя да окрестных княжеств места более или менее тихие. А в горах да открытой степи все совсем по-другому, потому как в этих краях нет закона, а только право сильного.

– Тихо, девонька, тихо, красавица, – раздался хриплый голос, с явной издевкой.

Лица не рассмотреть, оно закрыто накидкой. Сам нападавший обряжен в лохматый камуфляж, очень уж подходящий для степи предгорий, впрочем, в него и трава подоткнута. Катерина такой видела только однажды, когда к отцу заезжали его старинные товарищи, бросившие наемничество и занявшиеся охотой на разбойников. Доходное дело. За уничтожение татей плата щедрая, разве только нужно будет доказать, что они разбойники. Но там ничего особо сложного, достаточно пары свидетелей, или же они должны быть в розыскных листах. А если живыми к суду притащить, так и во-

все награда вдвое.

Оно бы ей брыкаться и сопротивляться, хоть как-то привлечь внимание своих. Да тот же куст расшатать. Не может Павел не смотреть в ее сторону. А там, глядишь, и тревога поднимется. Но ей так хотелось, чтобы этот неизвестный оказался охотником за головами, что она невольно в это поверила, тут же прекратив оказывать сопротивление. Бог весть с чего, но она вдруг подумала о том, что к ним подбираются разбойники, а вот эти охотники их выслеживают. Бред, конечно. Но, с другой стороны, что только не нарисует воспаленное воображение в стрессовой ситуации.

– Вот и умница. Вот и молодец, – прошептал неизвестный.

Сильная мозолистая рука соскользнула с ее губ и в то же мгновение резко и больно надавила на подбородок, заставляя раскрыть рот. Крикнуть она уже не успела, только замычала, неизвестный шустро втолкнул в рот большой кляп, свернутый из какой-то тряпицы. В голове отчего-то пролетела мысль о том, что тряпица чистая и пахнет хлебом, не иначе как его в нее и заворачивали, чтобы не зачерствел.

– Бекеш, ты чего ерундой маешься? А как заголосила бы? – послышался голос другого мужчины, находившегося вне поля зрения Кати.

– Тебе бы, Битум, только товар портить. Синяки да шишки на цене неслабо сказываются.

Только теперь она осознала, что никакие это не охотники за головами, а самые что ни на есть тати. Она попыталась

вырваться, закричать, сделать хоть что-то, но все было тщетно. Используя куст шиповника как укрытие, неизвестный, действуя быстро и со знанием дела, спеленал ее в считанные секунды.

– Что будем делать? – послышался голос Битума.

– А ты забыл, за каким лесом мы сюда поперлись? – ухмыльнувшись, вопросом на вопрос ответил Бекеш.

– Да я-то не забыл. Но там трое наемников, купец и водитель. Многовато их на нас троих, не находишь?

– Я чет не пойму. Битум, мы ведь собирались их приласкать. Так?

– Ну, так.

– И что изменилось?

– Поговорку про синицу в руках вспомнил. Девка красивая, ладная, минимум три тысячи рублей за нее выучим. А с этими завяжемся, кто знает, куда качели качнутся. Глядишь, уходить косогорами придется, а тогда уж и девушку не утащим с собой.

– Ясно. Воробья как будем извещать? Ты глазки на меня не выкатывай. Будь в бою, мы бы ракету пустили, и вся недолга. А сейчас как быть? Напомнить, кто вторую рацию в ручье искупал? Вижу, не надо. А раз так, ползи-ка ты, друг сит, в сторонку метров на двадцать и будь готов. Да не очкуй, Битум. Сам посуди, где мы еще такого жирного гуся подловим на стоянке в степи.

– Лады, – виноватым тоном ответил Битум, после чего

бесшумно, словно ящерка, пополз в сторону предполагаемой позиции.

– Ну чего ты ерзаешь, красавица? Жизнь она такая, на зебру похожа – полоса белая, полоса черная, а в конце все одно задница. Сегодня нам фарт выпал. Завтра повезет тебе. А в итоге все сойдемся на том свете. Вот там и сочтемся. Так что ты душу-то не рви и не пытайся освободиться. Уж что-что, а путы вязать я умею. Только зря поранишься.

Говоря это, Бекеш сместился в сторону, чтобы не оказаться на мокрой травке, которую пометила девушка, и, не высовываясь из кустов, начал готовиться к стрельбе. Оно, может, Битум и прав насчет синицы в руках. Но во-первых, не он тут командует. Во-вторых, собак бояться, в степь не ходить. Ну и в-третьих, если бы Бекеш все время ходил с оглядкой, то не был бы самым собой, а пробавлялся бы объедками да шакалил по мелочам. Но он в определенных кругах личность известная.

Опять же сейчас только конец весны. Если они распрошат этого купца, то Бекешу будет по карману пожить в свое удовольствие весь летний сезон на Каспийском море. Он слышал, что в былые времена отдыхать на Каспий никто не ездил или ездили совсем немногие. Тогда в большей чести было Черное море. Н-да. Но теперь там без средств индивидуальной защиты лучше не появляться. Впрочем, даже в таком облачении лучше не пытаться. Хотя... Столько лет прошло. Может, сейчас уже и получше. Но уж он-то это про-

верить не будет точно.

Сейчас актуален Каспий. Есть там одно местечко, в тихой и уютной бухте. Шикарный курорт со всеми удобствами и великолепным обслуживанием. Прогулки на яхте под парусом, самые различные яства, вино, женщины на любой вкус. Все зависит только от платежеспособности клиента.

Дорого, не без того. И даже самые состоятельные люди способны позволить себе не больше пары недель подобного отдыха. Но Бекеш готов был сорить деньгами без раздумий. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что рано или поздно настанет его конец. Причем случится это, скорее всего, не в обстановке роскоши или домашнего уюта, а в какой-нибудь сточной канаве, и выглядеть он при этом будет далеко не геройски.

Пожелай он, и уже давно жил бы в хорошем доме, полном достатка, в окружении семьи. Но вот подобного желания как раз и не было. Такая жизнь не для него. Слишком пресно и скучно. Так что, пока есть возможность, он будет брать от жизни все, что только сможет. А там как сложится. Даже если он будет знать, что конец его близок, он все равно не остановится. Не то что не сможет, а просто не захочет.

Если куст шиповника хорошо скрывал Бекеша от наблюдателя на кунге «КамаЗа», то ему самому он совершенно не мешал вести прицельный огонь. Вся стоянка была перед ним, как на ладони, и расстояние – всего ничего, порядка сотни метров. По-хорошему ему даже оптический прицел ни

к чему. Нет, он вовсе не собирался от него отказываться, просто, случись надобность, то сможет уверенно работать и без оптики.

Бекеш осмотрел лагерь в последний раз. Все, тянуть дальше уже нельзя. Отсутствие девушки может показаться слишком подозрительным. Конечно, у баб оно не так все просто, как у мужиков, но все же места тревожные, и все, что выбивается из общей картины, вызывает тревогу. Опытный наемник скорее уж предпочтет потом посмеяться над своими страхами, чем не придать значения какой-либо странности.

А двое из этой тройки точно опытные. Да и купец. Вон, как непринужденно и очень даже привычно скинул «АКМС» с плеча и одним движением разложил приклад. Двое наемников, что сидели на траве, тоже поднялись и начали расходиться. Грамотно двигаются. Вроде как не спеша действуют, а получается быстро. Водитель, тот суетится, но видно, что и ему передалось общее чувство тревоги. А вот дурачок на кунге явно молокосос, причем не только по возрасту, что Бекеш сумел рассмотреть в оптику.

Пора. Еще чуть, и будет поздно. Большой палец сдвинул флажок предохранителя карабина «маузера». У них таких было два, оба с оптикой. Тот, что у него в руках, достался трофеем, причем в комплекте с глушителем. Это они удачно накрыли охотников за головами. А вот второй, что сейчас у Воробья, обошелся в неприлично большую сумму. Ну да не жалко, уже успел себя оправдать. Кстати, приобретением вот

этого самого карабина в том числе.

– Катерина! – послышался зычный голос купца.

Первый выстрел в парнишку у пулемета. Да, молодой. Да, очень даже может растеряться, и сейчас ведет себя, как лопух, поднявшись в полный рост. Но пулемет – это всегда серьезно. А пулемет на доминирующей позиции и подавно. Поэтому птичка прицела замерла на лбу рыжего. Хлоп-п! Панорама дернулась, и парнишка тут же пропал. Клад! Клад! Новый патрон в патроннике.

Прошло не больше пары секунд, а обстановка уже кардинально изменилась. Едва только пулеметчик получил свой гостинец, как тут же ударил короткими очередями Битум. Первой же двойкой он снял самого старшего из наемников, переломившегося вдвое и сунувшегося в траву. Правильно, в первую очередь нужно выключать самых опасных. Хм. И, пожалуй, следующий на очереди купец. Вон как четко двигается и давит злыми короткими двойками Битума, заставив его замолчать.

Хлоп-п! Время, чтобы взять точный прицел, у Бекеша было. Даром, что ли, пользуется бесшумный «маузер». Его позицию и вообще присутствие обороняющиеся еще не просекли. Купец смешно раскинул руки и завалился на бок. Вот так и лежи, дружок.

Где там еще один наемник? Ага. Вот он. Укрылся за колесом прицепа. Ч-че-орт! Просек все же, где затаился снайпер! Пули прошелестели прямо над головой, сбивая листву

и ветки. Перекат в сторону. П-падла! Сбитые ветки шиповника впились в руки. Ну не любил Бекеш пользоваться перчатками.

Следующая очередь взбила землю и срезала пару веток у основания. Это он вовремя сменил позицию! А девка? Ей не досталось? Она же за кустами. Ага. Порядок. Коль скоро думает о сохранности хабара, значит, не сомневается в том, что выйдет из передраги с прибытком. Да и как иначе-то! От численного преимущества противника ничего не осталось. Два бойца, один из которых и не боец вовсе, а так, неумеха.

Выстрел «маузера» громкий и хлесткий. Все. Замолчал автомат последнего наемника. Остался только шофер, расстреливающий магазин длинными и бестолковыми очередями, в одном ему видимую цель. То есть в белый свет как в копеечку. Вот. Замолчал. Сейчас суетливо меняет дрожащими руками магазин. И пока есть пауза, и он может слышать...

– Эй, мужик! Ты же шофер. Не боец. Брось ерундой маяться. У нас тут две снайперки, положим тебя на раз. Ты лучше ручки подними, и, слово даю, никто тебя пальцем не тронет.

– И что же, отпустите?

– Ну ты сказал, мужик. Кто же вот так запросто целых пять сотен целковых отпустит, – подпустив смешок, возразил Бекеш.

– Значит, на невольничий рынок потащите. А я вот не хочу.

– Не дури. Знаешь же, что невольников-спецов не гноят по норам. Горцы им даже семьи позволяют иметь. Ну в неволе, да. Но не на цепи, не в колодках и не с тяткой в поле. Как был шофером, так им и останешься.

– Ч-черт с вами! – после некоторого раздумья выкрикнул Егор.

– Вот и молодца. Руки кверху и выходи. Только автомат брось так, чтобы хорошо видно было, и ручки повыше, а то дружок мой ненароком еще стрельнет.

Шофер задрал руки повыше и вышел из-за заднего колеса «КамАЗа». Дилетант чистой воды, но укрылся грамотно. Воробью его было не достать. Случайность, конечно, но вон как получилось. Опять же им прибыток. Бекеш ничуть не кривил душой, когда говорил, что пальцем не тронет шофера. Даже если бы тот подстрелил его самого, он и не подумал бы мстить. Месть вообще глупость, потому что от нее никакого навару. А пять сотен рублей серебром на земле не валяются.

Бекеш отложил карабин и перетянул из-за спины «АКСУ». У него на поясе еще и «ТТ» в кобуре. Угу. Вооружился до зубов. Но иначе никак. Да и идти пришлось не так далеко, поэтому с собой ничего, кроме оружия и фляжки с водой, нет. Приклад впечатался в плечо, и он на полусогнутых, стелющимся шагом направился к разгромленному лагерю, посреди которого стоял, задрав руки кверху, шофер.

Два быстрых контрольных выстрела в головы наемников. Рыжему, тому, что молодой, без надобности. Ему и без того

в голову знатно прилетело. Он упал на землю, и вокруг уже натекла изрядная лужа крови. Мозги, наверное, вынесло на другую сторону от машины. Ничего удивительного. С такого-то расстояния. Присел рядом с купцом. Мало ли, вдруг жив.

Конечно, связываться с выкупом не очень-то и хотелось. Возни слишком много, при самых благоприятных раскладах, месяц, никак не меньше. Опять же засветиться можно изрядно. А он нет-нет в русских селениях и городах бывает. Лишняя слава ему ни к чему. Но, с другой стороны, мог бы продать купчишку на невольничьем рынке. Имеются в Баксане те, кто специализируется на выкупах...

Пульс есть. Может, и несмертельно ранен. Бекеш прикинул, сколько он сумеет получить за тяжелораненого купца, которого покупателю сначала придется поставить на ноги. А медицина нынче дорогая, и уж тем более на территории горцев. Они же учиться не желают вообще. Предпочитают разбойничьи набеги, как жили когда-то их предки.

Вот чему они могут учиться, отдаваясь целиком и без остатка, так это воинскому искусству. Плевать, чем бы это ни было: стрельба, владение холодным оружием, борьба без оружия. Только бы не брать в руки проклятые учебники. Подавляющее большинство горцев и читать-то не умеет. Да по большому счету, только их верхушка имеет какое-никакое образование, остальные – темнота, которая даже двух слов нормально связать не может.

Н-да-а. За купца он много не получит в любом случае. Возни много, выхлоп на копейку. Разведут его на невольничьем рынке и в общем-то будут по-своему правы. Ну и к чему ему эти сложности? Да ни к чему. Еще один контрольный. Все, добавки не требуется.

– Купца-то зачем? – с ленцой поинтересовался Воробей, появившийся из-за «КамАЗа».

– Ранен был серьезно. Развели бы в Баксане, как лохов.

– Ага. Эти могут, – быстро обыскивая все так же стоявшее с поднятыми руками шофера, согласился Воробей. – Что-то Битума не видно.

– Сейчас гляну. Водила, машина-то в порядке? Починиться успел?

– Бекеш, не обижал бы ты мужичка. Опять же возьмешь да ляпнешь на рынке.

Это да. Водила – он кто? Наездник, что только баранку крутить умеет. А шофер – это совершенно иная категория. Такой тебе в полевых условиях раскидает машину по винтику и опять соберет. Сам себе автослесарь. Ну во всяком случае, вполне способен привести машину в порядок и добраться до мастерской. И вообще, водители на рынке ничего не стоили. Баранку крутить любой дурак сможет. А вот шофера уже шли как спецы.

– Угу. Извиняй, шофер. С машиной что? – поправился Бекеш.

– Починился уж.

– Вот и ладушки. Воробей, соберись тут, а я пока гляну, что там с Битумом, и девку притащу.

– Взяли-таки цацу?

– Взяли. Эй, шофер, как тебя?

– Егор.

– Угу. Егор, что за девка-то?

– Дочка хозяина, – кивнув на труп купца, раскинувшего мозгами, ответил шофер.

– Твою ж мать, Бекеш! – в сердцах выдал Воробей.

– Ну, извини, и на старуху бывает проруха. Кто же знал, что этот купец на всю голову больной и потащит с собой в эти края дочку. Н-да. А ведь можно было определить его на постой, поправить ему здоровье и получить полной мерой все, что у него за душой. А за душой у него должно быть немало, с таким-то транспортом.

– Эт-т т-точно. Ну да, знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – ответил старой присказкой Воробей.

Бог весть, что это за город. Вроде как был такой когда-то на берегу Черного моря. Наверное, знатное было местечко, коль скоро его до сей поры поминают. Ну да не суть.

– Ладно. Не нам стонать при таком хабаре. Егор, а что девка-то – девка? Или там кто только не топтался? – поинтересовался Бекеш у шофера.

– Катерина девица правильная, – глухо ответил тот.

– О как. Слышал, Воробей, держи свои желания при себе. С другой стороны, можешь выделить из своей доли три шту-

ки и гуляй, хоть до смерти.

– Ага. Ищи дурака. Да за три штуки я сотню баб ничуть не хуже и куда опытнее окучу. Ладно, собирай хабар, А то еще кого принесет. Дорога все же.

Направляясь к Битуму, Бекеш был уверен, что тот уже труп. Уж больно тихо себя вел. Однако он ошибся. Битум был жив. Ранен, не без того. Но жив. Вот только рана у него нехорошая. Пуля ударила чуть ниже поясницы и, кажется, в позвоночник.

– Ты как, Битум?

– Ног не чувствую.

– Пошевелить ими можешь?

– Говорю же, не чувствую.

– Н-да. Похоже, тебе хана, братан.

– Бекеш, не бросай меня. Дотащи до Баксана. А там я уж как-нибудь.

– Не виляй, Битум. Ты же конкретный пацан, сам все понимаешь. Не твоя масть.

– Бекеш.

– До встречи, Битум.

Одиночный выстрел в голову, и все. Как-то не везет им с Воробьем на компаньонов. Уже третий за последние два года ласты склеивает. Откровенно говоря, жаль. Битум был знатным бойцом и следопытом. А еще превосходно управлялся с лошадьми, а главное – ему нравилось за ними ходить. Все говорил, что они куда лучше и честнее людей. Не повезло.

Вместо одной ходки пришлось сделать две. Сначала снести к машине оружие и снарягу Битума. Потом перенести отчаянно брыкающуюся девушку. Потом договорились с Воробьем о порядке движения. Тот отправится в кабине «КамАЗа», присматривая за пленниками, а Бекеш вернется к лошадям, которых они оставили в камышах, и двинет в Баксан напрямки.

Ну и связь будут поддерживать по рации. Купчина оказался не просто зажиточным, но еще и предусмотрительным. Или наемничья ватага была не из последних, и у каждого имелась переделанная милицейская радиостанция. Раньше милиционеры такие на ремне через плечо носили, да и сейчас носят в Ростове и Ставрополе. Пожалуй, милиции как таковой больше нигде и нет.

Тангенту, которая выступала одновременно и как динамик, и как микрофон, заменили. Вместо нее теперь один головной телефон, совмещенный с микрофоном. Они крепятся к голове системой эластичных ремней. Благодаря этому переговоры не становятся достоянием всей округи. Правда, дальность связи у такой радиостанции в лучшем случае километра четыре. С мощной стационарной радиостанцией до двадцати. А вот с той, что установлена в «КамАЗе», не более десяти.

Не суть важно. Главное, они теперь опять со связью, что в полевых условиях весьма немаловажно. А еще могут свою испорченную рацию (к слову сказать, точно такую же) не чи-

нить, а продать. Все, что связано с разной электроникой, вообще жуть как дорого стоит. Хоть бери и лазай по вымершим городам в поисках разных радиодеталей и иже с ними. Вот только народ к тем гиблым пустошам разве что под угрозой расстрела приблизится. Ведь жизнь на кон ставить придется. Сколько лет прошло, а ужас в людей вьелся настолько, что и каленым железом его не выжечь. Но есть охотники. Есть. Не без того...

Баксан. Нет, это не тот город, что стоял на берегу одноименной реки. Тот, старый, находится в десятке километров выше по течению. Люди сначала его покинули, а теперь постепенно разбирают старые постройки, чтобы возводить дома на новом месте. И ничего. Беды пока никакой не случилось, никакая зараза наружу не вырвалась, и никаких странных болезней не приключилось. Даже единичных случаев пока не наблюдалось. Разве только грипп, хотя и от него беды случаются. Но не такие катастрофические.

Так уж сложилось, что в возрождающемся мире Баксан оказался на перекрестке путей. Местные князья, по здравом размышлении, решили выступить в качестве связующего звена между остатками горских народов и русскими. И тех, и других уцелело совсем немного, а вот вражда между ними только усилилась. Мало эпидемий, радиационных дождей, которые, слава богу, по большей части уже отступили, еще и ненависть людская вспыхнула так, что не потушить этот пожар.

Впрочем, не сказать, что резались именно христиане и мусульмане. Тут вообще все перепуталось в такой клубок, что теперь в нем не разобраться. Бывали случаи, когда два села, христианское и мусульманское, стояли по соседству и вполне мирно сосуществовали. Мало того, так еще и помогали друг другу в трудную минуту, как то и заведено между добрыми соседями. И набегі отбивали вместе, а бывало, и роднились.

Но это скорее все же исключение, потому что фактически война не закончилась. Она продолжается. Разве только перешла в стадию множественных локальных конфликтов. К примеру, русские вдруг поняли, что родня – это святое, и стали ценить близких, сплачиваясь в условиях общей беды. Под влиянием усилившихся родственных чувств вдруг вспомнилось, что в стародавние времена у славян очень даже процветала кровная месть. И как это ни странно, русские оказались ничуть не менее мстительными, чем горцы.

А тут еще и банды, которым было абсолютно без разницы, кого грабить и убивать. Этих интересовали только собственные потребности, и плевать, каким путем эти потребности можно удовлетворить. Ну и тратить нажитое непосильным разбойничьим трудом тоже где-то требовалось.

Словом, не начини создавать свой город баксанские князья, он все одно возник бы. Торговля – неизменный атрибут любого человеческого общества и в различной форме существовала всегда. Даже в каменном веке, имея форму меновой. Кстати, она и сейчас в немалой степени сохраняет такую

форму. Хотя последние десять лет денежный эквивалент все же начинает брать свое. Правда, ни о каких бумажных деньгах не может быть и речи. В этом мире правят бал платина, золото и серебро.

Ну еще векселя нескольких банков, которые начали появляться в русских городах. Баксанские князья тоже хотят создать свой банк, для удобства взаиморасчетов. Вот только, несмотря на то, что им удалось устроить торговый оазис, кредит доверия у них пока недостаточный.

– Стой. Кто такой?

Город окружен валом и имеет форму четырехугольника, по каждой из сторон которого расположены ворота. Бекеш, ведя в поводу двух лошадей и восседая на третьей, въезжал через Северные. И разумеется, тут находился КПП городской стражи. Ну и сами стражники. Кстати, старший очень даже ему знаком.

– Не узнаешь, Хаким? – ухмыльнувшись, поинтересовался бандит, одновременно опускаясь на землю.

– Я тебя что, по одежде должен узнавать, Бекеш? Ты же вечно лицо под шемагом¹ прячешь.

– Уж таков ваш город. Здесь бывает слишком много русских купцов и охотников за головами. А моя голова дорого стоит. Как я думаю, – поправляя платок, повязанный по самые глаза, пояснил Бекеш.

– А ты не думай о себе слишком много. Всего-то тысяча

¹ Шемаг – арабский мужской платок.

рублей.

– Вообще-то это немало. Тебе так не кажется?

– Не вводи меня в искушение. Как раз сегодня утром приехали четверо охотников за головами. Ничего так, крутые ребята. На тебя с дружками хватит.

– Уж не по мою ли голову?

– Да им без разницы. Но и по твою в том числе, если уж награда назначена. Кстати, а где твои дружки? За них тоже объявили награду, по три сотни.

– Воробей вот-вот должен подъехать, я напрямки двинул, он по дороге.

– Я гляжу, вы с добычей. Надеюсь, не на наших землях шалил?

– Мы что, по две жизни имеем, чтобы нагадить на вашей территории, а потом сюда же и припереться?

– Звучит убедительно. А Битум?

– Кранты Битуму, – вздохнул Бекеш.

– Н-да-а. Эдак с вами скоро никто не захочет работать.

– А вот тут уж дудки. Желаящие разделить со мной удачу найдутся всегда.

Одновременно с беседой Бекеш упаковал все свое оружие в узкий брезентовый чехол, клапан которого стражник опломбировал свинцовой пломбой, на обычном шпигате. При необходимости сорвать пломбу и извлечь оружие – никаких проблем. Вот только делать это в черте города категорически не рекомендовалось. Как, впрочем, и в других

городах, где за порядком надзирали достаточно строго.

В Баксане, например, подобное нарушение стоило тысячу рублей. Нет такой суммы, твои трудности. Будешь отрабатывать, причем заработок твой будет по заниженной ставке. Словом, отработать на город тебе придется не меньше двух лет, а то и больше. А ведь могут перепродать твой долг и кому-нибудь другому. Хорошо хоть подстав тут не бывает. Власти разбираются достаточно скрупулезно. Город живет торговлей и репутацией. А последнюю ни за какие деньги не купишь.

Конечно, совсем безоружным в этом мире быть не рекомендовалось, и в Баксане это прекрасно осознавали. Поэтому каждому разрешалось иметь неопломбированным один пистолет, на который на КПП выписывалось временное разрешение. Самый обычный бланк, со вписанными данными владельца, номером и маркой оружия, штампом городской стражи и подписью старшего смены.

Получив разрешение на проход, Бекеш, однако, не стал пересекать границу города. Лучше уж постоять в сторонке и подождать Воробья. Конечно, им никак не разминуться, но все же проще обождать здесь.

Воробей появился примерно через полчаса. Быстро оформились на въезде, упаковав, как положено, все стреляющее. Ох и много же его у них в этот раз. Причем все в хорошем состоянии. И купец не из последних был, и наемники не прощелыги какие. В другой ситуации Бекешу с товарищами ни-

почем их не взять. Но так уж легла карта.

Оказавшись в черте города, тут же направились к своему постоянному скупщику. Разумеется, получится несколько дешевле, чем если бы они пристраивали товар у разных купцов. Но это требовало некоторых усилий и затраченного времени. А так, все сдается в одном месте. Милое дело. Да и Петр не станет так уж сильно обманывать. Нет, не испугается. Чего ему бояться? Просто не захочет терять постоянного поставщика, да еще и такого удачливого.

Отчего Петр? Так оттого, что русский он. В Баксане всем место найдется. А уж человеку деловому и предприимчивому и подавно. Кстати, Петр является баксанским купцом уже во втором поколении, и чувствует себя здесь русская община очень даже хорошо. Разве только в княжеские вооруженные отряды и стражу им ходу нет, там служат исключительно родичи или вассалы. Но русские не больно-то к этому и стремятся, будучи полностью довольными своим положением. В их квартале есть даже небольшая православная церквушка.

– Привет, Бекеш, – не без удовольствия осматривая «КамАЗ» с прицепом, поздоровался появившийся на складском дворе купец. – Ого! Неужели самого Верзилина приласкал.

– Знал его? – вскинул бровь Бекеш.

– Знаю, как не знать. Или все же знал?

– Мир его праху.

– Н-да. Погорячился ты, дружище. За него можно было получить хороший выкуп.

– Не срослось, чего теперь-то, – равнодушно пожал плечами бандит.

– Ты его часом не добил?

– Скажем так, прочел ему отходную.

– Н-да. Станный ты человек. Не любишь сложные схемы. Все у тебя должно быть четко, ясно и понятно. А главное – быстро, в темпе вальса. А ведь могли бы оба неплохо навариться.

– А я, Петр, не заглядываю далеко вперед. Живу сегодняшним днем, потому как завтра у меня, возможно, и не будет.

– Ну так подумай о завтрашнем дне, остановись. Кто тебе мешает?

– Натура волчья. А так, больше никто.

– А это что за девка?

– Дочка купеческая. Хочешь, покупай. Три тысячи – и она твоя.

– Три тысячи за девку? Ты с ума сошел?

– Ну, такая красавица этих денег стоит. Но ведь, кроме того, она еще и купеческая наследница.

– Угу. Наследница. Поди знай, сколько у того купца припрятано, может, и сотня тысяч, а может, всего-то пятьсот рублей. Опять же, если он денежки свои в банке держал, то там далеко не дураки. Год – и если не найдется законный наследник, все его средства перейдут им. У Верзилина вроде родственников нет, и дочка одна, но кто же даст невольнице

вступить в права наследства.

– Ну так проверни хитрую комбинацию. Ты же до них охоч.

– Говорю же, кот в мешке. Может, и есть там что стоящее, а может, и нет. Верзилин был купцом средней руки, а как он жил в своем Ставрополе, одному богу известно. Уводи ее в невольничий квартал. Мне – неинтересна, – отмахнулся Петр.

– Ну, как скажешь, – пожал плечами Бекеш.

– Шофер идет вместе с машиной?

– Пять сотен.

– Приемлемо. С остальным как?

– Да как всегда. Мы сейчас вещички на постоянный двор кинем, потом в невольничий квартал сдадим красавицу, ну и обратно.

– Значит, вечером будешь в гостинице?

– Да.

– Я тут все посчитаю и навещу тебя с деньгами.

– Вот и договорились.

Глава 2

Человек прохожий

Проснулся он легко. Просто открыл глаза и уставился на голубой небосвод, без единого, мало-мальского облачка. Солнце едва-едва поднялось. Об этом свидетельствуют утренняя прохлада и капельки прозрачной росы на примятой траве. Солнечные лучи еще не успели с ней расправиться, вот и искрятся, словно бриллианты в ожерелье.

Впрочем, ничего удивительного. Время деньги, и Перегудов не позволит терять его попусту. Поэтому инъекция была рассчитана строго дозированно, и Шейранов провалялся ровно столько, сколько положено, чтобы не терять световой съемочный день. Хм. Нет. Не Шейранов. Сейчас он Бекешев Артем Сергеевич. В широких круга известен как Бекеш. Разбойник и лиходей. Не сказать, что он звезда разбойничьей вольницы, но о нем слышали, и даже награда за его голову назначена в тысячу рублей. А это по местным меркам ой как немало. Но, с другой стороны, есть и куда более именитые тати. Вон за Барона объявлена награда аж в пять тысяч. И тем не менее Бекеш был той еще сволочью.

Н-да. Перегудов остался верен себе и подобрал такого носителя, которого Шейранов никак не захотел бы оставить в живых. Была у него слабость: не мог оставаться равнодуш-

ным к близким людям, подопечные же становились для него словно родными. Но к этому кровожадному зверю у Сергея Федоровича не могло быть никакой симпатии по определению. А потому он, не задумываясь, пустит его в расход. Что, собственно, полностью отвечает планам продюсера. Какого такого продюсера и о чем вообще речь?

Эта история началась несколько лет назад. Шейранов тогда был хотя и преуспевающим, но тем не менее самым обычным хирургом. Ну разве только по совместительству еще являлся и заместителем главного врача эссентукской городской больницы. Как говорится, жил себе не тужил, пока на его пути не появился Перегудов Антон Иванович, эдакий невысокий живчик крепкого сложения, со взором горящим.

Сей мужчина оказался продюсером реалити-шоу. Вот только само шоу было несколько необычным. И это, мягко говоря. Оказывается, параллельные миры – вовсе не фантазия чьего-то больного воображения, а самая что ни на есть данность. Мало того, история до начала двадцатого века в них развивается по схожему сценарию, за исключением частностей. В двадцатом веке тоже хватает совпадений, но отличия порой бывают коренными.

Используя передовые технологии, Перегудов заряжал людей имплантатами, после чего снимал саму жизнь. То самое реалити-шоу. Правда, ему приходилось ограничиваться временными рамками. С середины двадцатого века присутствие представителей более высокоразвитого слоя скрыть

было уже трудно. Так вот Антон являлся законодателем моды в этом направлении и, будучи первым, сумел оторваться от конкурентов, оставив их далеко позади.

Однако, как все увлеченные своим делом натуры, он не мог быть удовлетворенным полученными результатами. Нет предела совершенству. Только так. И никак иначе. Именно поэтому он и решил использовать в своем шоу все самые передовые достижения человечества. Причем его не смогло остановить и самое настоящее преступление.

Дело в том, что практически одновременно с открытием параллельных миров было сделано еще одно открытие. А именно люди, наделенные способностями при определенных условиях перемещать свой разум в другое тело и брать его под полный контроль. Их называли кукловодами.

То есть снимать саму жизнь просто замечательно, но не мешало бы придерживаться хоть какого-то сценария. Это вполне возможно при использовании кукловода, которому нет необходимости вживаться в новый мир, потому как все необходимые знания уже имеются у его подопечного. Ну да. Кукловод не просто берет под контроль тело человека, но и его разум, безраздельно доминируя над ним.

Стоит ли говорить, что подобные уникамы весьма редкое явление, чуть ли не один на миллион. Ну и о том, что все они рано или поздно оказывались под колпаком спецслужб различных стран. А как иначе? Вдруг кому-то захочется взять под контроль руководителя соперничающего го-

сударства. Угу. Все очень серьезно.

Но Перегудову все же удалось выйти на нужных людей и совершенно нелегально заполучить кукловода. Стоит ли говорить о том, что он сильно рисковал? Вот только и остановиться никак не мог. Шейранову вообще-то не улыбалось быть у кого-то под колпаком и на кого-то работать. Вот только и выбора у него особого не было. Либо работать добровольно с шоуменом, либо в итоге оказаться под колпаком у спецслужб.

Решил попробовать и, признаться, остался доволен. В первый раз он оказался в теле русского офицера на кавказской войне середины девятнадцатого века. Хм. Был знаком с Лермонтовым. Они с ним даже слегка подрались на дуэли, и благодаря этому происшествию поэт остался жив. Кстати, его пока до сих пор бог милует от смертельной напасти.

После этого у Перегудова появился шанс легализовать и обезопасить Шейранова перед спецслужбами. Но для начала нужно было принять участие в историческом эксперименте. Ни много ни мало – предотвратить приход к власти большевиков в одном из слоев. И это ему удалось на славу. Он не просто добился выполнения поставленной задачи, но и сумел предотвратить февральскую революцию в России, изменив ход войны. Вот такой он теперь супер-пупер.

После этого проекта Шейранов мог отойти в сторону и просто спокойно жить в своем слое. Денег он заработал достаточно, впрочем, он и без того всегда был в состоянии

достойно содержать семью. От спецслужб Перегудов смог его оградить, как и обещал. Продюсеру удалось подтасовать медицинские показатели и исследования психоаналитиков. Словом, для использования спецслужбами Шейранов не годился категорически. Во всяком случае, в документах значилось именно это.

Разумеется, никто не оставит кукловода без присмотра. Поэтому ему был установлен гипнотический блок, препятствующий использованию им своего дара. Разве только шоумен получил карт-бланш на его использование, ну и, разумеется, только в случае добровольного согласия Шейранова. Правда, иначе Перегудов и не мыслил совместную работу над шоу. Что ни говори, а он считал свою деятельность творчеством, а творчество не терпит насилия.

Согласился ли Шейранов? Ответ известен. Да. Ему нравилось быть на грани, проживая насыщенную и динамичную жизнь. Кто-то скажет, что он стал адреналиновым наркоманом. Кто-то назовет его ублюдком, получающим удовольствие от всеобъемлющей власти над другим человеком. Лично он согласился бы с первым и отрицал второе.

Да, он обладал полной властью над телом и до известной степени мог контролировать разум человека. Но он не злоупотреблял этим. Так, благодаря вмешательству Шейранова его первый подопечный остался в живых. Мало того, Сергей Федорович сумел позаботиться и обеспечить будущее молодого человека.

Второй был откровенной сволочью, циничным и хладнокровным убийцей. Из него получился настоящий герой Первой мировой. Посмертно. Но зато его имя вошло в историю, а подвиги станут ярким примером для подрастающих поколений.

И вот третий. Хм. Тот еще ублюдок. Причем если Шестаков умудрился сохранить инкогнито, когда проворачивал свои черные дела, то этот успел заработать себе определенную репутацию. Впрочем. Общеизвестно только его прозвище. Никто не знает о том, что Бекешев и разбойник Бекеш одно и то же лицо. Да и само это лицо он всегда прятал под шамагом. Слишком немногие знали, как он выглядит...

Шейранов, или, если быть точным, Бекешев, рывком сел на траве и осмотрелся. Итак, он находился на вершине довольно высокого холма, и похоже, что эти места ему хорошо знакомы. Ставрополье. Родное предгорье. Вон даже горы видны, со все еще заснеженными пиками. А вот вершин Пятигорья не видно.

Не надеясь на себя, Шейранов обратился к памяти Бекешева. Этот все больше обретается на открытом просторе, а потому с местностью знаком куда лучше. Ну так и есть. Бекеш тут же сориентировался, определив свое местоположение. Примерно в одном пешем переходе к северо-востоку от Георгиевска. Километрах в пятнадцати за его спиной находятся развалины небольшого городка Зеленокумска, или попросту Зеленокумская пустошь.

Н-да. Круто у них тут все замешано. Даже оторопь берет. И уж тем более не по себе, оттого что он достаточно хорошо знал прежнее Ставрополье. Цветущий край, сады, пашни, города, села, станицы, мировая здравница... Все в прошлом...

Подумать только, на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев сейчас проживает едва ли пятьсот тысяч человек. Причем от Краснодара остались только руины, а большая часть края вообще необитаема. Чем ближе к морю, тем меньше встречается людей. Самый большой и, пожалуй, единственный город – это Кропоткин. Ростов располагается чуть в стороне от прежнего местоположения. Ставрополь тоже сместился самую малость, чтобы хоть как-то дистанцироваться от мертвых застроек.

Исследователи из слоя Перегудова не могли обойти вниманием факт разразившейся в этом слое Третьей мировой войны. Тем более что из собранных первоначально материалов никаких предпосылок к подобному развитию событий попросту не было. Исследования в этом направлении проводились до сих пор, и пока вроде бы безрезультатно.

Небезызвестный Шейранову ученый-историк Воркутинский выдвинул предположение, что здесь сыграл свою роль человеческий фактор. Что-то вроде сбрендившего офицера одной из сторон, запустившего ракеты по заданным целям, вызвав тем самым цепную реакцию. Словом, причинами начала самой разрушительной войны сейчас занимались иссле-

дователи.

Единственно, что стало доподлинно известно, так это то, что в одна тысяча восемьдесят пятом году, без явной на то причины, словно под воздействием какого-то психоза, НАТО и страны Варшавского договора начали самую разрушительную войну в истории человечества. Мало того, в эту мясорубку включились все остальные ядерные державы. Такое впечатление, что дрались все со всеми. В ход пошло все оружие массового поражения, оказавшееся под рукой военных. Ядерное, химическое, бактериологическое, биологическое, все без исключения.

На Земле очень быстро воцарился самый настоящий ад. Кислотные и радиационные дожди, извержения вулканов, спровоцированные сейсмической активностью, получившей толчок от мегатонных взрывов. Эпидемии, с которыми попросту некому было бороться. Города превратились в самые настоящие ловушки, ежедневно погибали миллионы. И в довершение ко всему на планету опустилась ядерная зима, продлившаяся три года.

Однако человечество оказалось достаточно живучим. Да, людей осталось ничтожно мало. По оценкам ученых из слоя Перегудова, уцелело не более миллиона человек. Несмотря на прошедшие с момента окончания войны сорок лет, примерно треть суши была все еще непригодна для проживания.

Но люди все-таки выжили. Выжили и начали строить новое общество. От прежних государств и от раздиравших их

противоречий не осталось и следа. Вражда, конечно же, никуда не делась, но она перешла на другой уровень, если можно так выразиться, локальный.

Ростов, Ставрополь и Кропоткин образовали три самых больших княжества на юге России, между которыми имелся целый ряд договоров. Общая граница пролегла только между Ставропольским и Кропоткинским княжествами. Ростов располагался чуть на отшибе. Контролировать княжества были способны прилегающую территорию, радиусом от пятидесяти до семидесяти километров.

Дальше находилось Астраханское ханство, но с ним имелся только договор о торговле. Впрочем, и вражды также не было. Слишком уж они оторваны друг от друга. Торговать с Астраханью получалось только по суше, и только большими караванами, под серьезной охраной. Один из ядерных ударов пришелся по Волгограду, и участок Дона, проходивший неподалеку от эпицентра взрыва, все еще оставался серьезно зараженным.

Калмыцкая степь сейчас была враждебна, как никогда. Калмыки вернулись к своему древнему укладу и кочевому образу жизни. Это случилось после того, как города превратились в настоящие рассадники всевозможной заразы. Роды, выпасая свой скот, обходили их десятой дорогой. Ну и о набегах не забывали, а то как же.

К прежнему образу жизни вернулись и остатки кавказских народов. Разве только Малгобекское княжество выде-

лялось на общем фоне, превратившись в крупнейшего поставщика нефти. Благодаря черному золоту, малгобекский князь мог позволить себе самую сильную дружину в регионе, благодаря чему никого не подпускал к нефтяным месторождениям.

На всей этой территории действовала единая денежная единица. Правда, каждое крупное княжество чеканило свою монету, но по достигнутым договоренностям все деньги имели единый номинал. Ростовский рубль отличался от ставропольского или малгобекского только самой чеканкой, проба металла и вес монеты были общепринятыми.

Имелись и более мелкие княжества. Да вот хотя бы Георгиевское. В самом городе проживало около трех тысяч человек, в четырех селах, до самого дальнего из которых было десять километров, в общей сложности еще около двух тысяч. Своей монеты здесь, ясное дело, не имелось, и серьезного производства – тоже. Так, ремонтные мастерские, да и горожане пробавлялись различными ремеслами.

Георгиевский князь был полностью суверенным, и под руку ставропольского или какого иного не спешил. А что ему там делать? Защиту своим угодьям он пока и сам в состоянии обеспечить. А вот ставропольцы его точно не защитят, слишком уж до них далеко. Но от размещения в городе ставропольского банка князь отказываться не стал. Как-никак городу от этого выгода. Опять же свою монету он предпочитал не чеканить, считая это излишними хлопотами. Потому

и узаконил ставропольскую. А еще наличие банка привлекало купцов и способствовало прохождению через город торговых трактов на Баксан, Малгобек, Каспийск, Владикавказ и в Грузию...

Ну что же, с окружающей обстановкой все более или менее ясно. Пора приступать к делам насущным. На дворе, между прочим, май месяц, и ночами достаточно прохладно, а у него в распоряжении... Н-да. Ну Перегудов. Продюсер, как всегда, верен себе.

От щедрот душевных для начала нового шоу Шейранову отсыпали не так чтобы много. Одежда. Н-да. Вот молодец. Ну хоть бы армейское подкинул. Форма здесь очень даже в ходу. Так нет же. Белая рубаша, синие пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Хорошо, хоть портянки в наличии, иначе ноги до костей стер, пока добрался бы до людей.

Хотя... Память подсказала Бекешу, что с носками тут определенные проблемы. Дорогое это удовольствие. Народ все больше портянками пробавляется. Поскольку основная обувка – это сапоги, даже у городских.

Сапоги хороши еще и тем, что в этих краях очень уж расплодилось кавказская гадюка. А ведь в слое Шейранова она была занесена в Красную книгу. Конечно, для того чтобы взрослого человека убил укус гадюки, ему должно ну очень сильно не повезти, оказаться слишком восприимчивым к действию ее яда. А таковые встречаются весьма редко. Ну или подвергнуться нападению сразу целого выводка

змей. Правда, приятного от укуса все равно мало, а потому предохраниться от ядовитых зубов очень даже не помешает.

В дополнение к одежде имеется офицерская прорезиненная плащ-накидка. Довольно удобная штука, и в плане защиты от непогоды, и в свернутом виде, эдакая шляпа с широкими полями. Ковбой Мальборо, йожики курносые.

Вообще-то здесь больше в ходу кепки, но хватает и тех, кто предпочитает вот такие шляпы. Правда, это актуально только в дождливый сезон, осенью да весной, ну может еще и июнь захватить. Оно и впрямь куда удобнее, когда на шляпе большие поля, меньше влаги попадает за воротник.

Ладно, доберется до города и тут же начнет ломать создаваемый продюсером образ. Плевать, что там задумал Перегудов. Тут сценарий пишет сам главный герой, то есть Шейранов. Тьфу ты. Бекешев! Так что, как говорится, каждый сам кузнец своего счастья.

Ого. Эдак он напишет и перепишет сценарий и вообще мир перевернет. Вот тебе, деточка, пять рублей и ни в чем себе не отказывай. Именно столько Бекешев и нашел у себя в кармане. Класс! Нет, здесь это, конечно, не так мало. Ну, к примеру, обычный номер в гостинице стоит двадцать копеек. Это где удобства во дворе и одна умывальная комната на этаж. Сама комнатка представляет собой нечто вроде конуры с одной койкой, прикроватной тумбочкой и небольшим встроенным платяным шкафом. Если с трехразовым питанием, то сутки в такой ночлежке обойдутся в пятьдесят пять

копеек. Ясное дело, что без разносолов, но вполне сытно. Так что девять дней можно прожить на всем готовом. Если будет такое желание.

Итак, что там дальше? Вещмешок. Ничего особенного. Смена белья, запасные портянки, средства гигиены, продукты. Хм. Судя по количеству провизии, ее тут на сутки. Ну, если поизгаляться над собой и растянуть удовольствие, то хватит на двое. А там, конечно же, можно вспомнить и о том, сколько может продержаться человек без еды и воды.

Кстати, а где фляжка? Ага. Вот она. Очень даже стандартная, армейская из пищевого алюминия. Н-да. Водичка в ней имеет довольно специфический вкус. Набери свежайшую ключевую – и через какой-то час будешь пить ее, морщась от сомнительного удовольствия. Но да. Чтобы носить какой-то запас воды для утоления жажды, вполне подойдет.

И наконец, оружие. В здешних краях это чуть ли не средство первой необходимости. Причем не столько против лихого народца, сколько для защиты от зверья. Смешно сказать, но хищников, считающих человека вполне достойной дичью, развелось предостаточно. И весьма экзотических для Северного Кавказа: львы, тигры, пумы, гепарды и пантеры. Не иначе как разбежались из зоопарков, акклиматизировались и расплодились. Хорошо хоть крокодилы пока не замечены.

Впрочем, эти хищники наряду с традиционными для данной местности все же не так опасны. С ними еще можно

разойтись мирно. Если только до этого зверюгу кто-то не обидел. Ну там, хвост прищемил или неудачно загнал под шкуру кусок свинца.

А вот собаки, те по-настоящему опасны. Человека они ни во что не ставят и, едва почувствовав слабость, обязательно нападут. Причем, если другие хищники нападают, либо обороняясь, либо охотясь, собаки атакуют людей при малейшей возможности. Скорее всего они мстят людям за то, что оказались брошенными и никому не нужными. За прошедшие века они привыкли жить рядом с человеком, окруженные его заботой, и, когда были вынуждены выживать самостоятельно, простить этого людям не смогли.

Мало того. Если загулявшая домашняя сучка окажется в поле и повстречает волка, несмотря на вражду с собаками, он ее не тронет, разве только совокупится. А вот собаки, едва почуяв на ней человеческий дух, тут же порвут без тени сомнений. Собратья, оставшиеся рядом с человеком, для них злейшие враги.

Словом, если ты оказался в степи без оружия, то лучше бы тебе быть в исправной машине с закрытой кабиной, чтобы до тебя не могли добраться братья меньшие. С транспортом как-то не заладилось. А вот оружие представлено наличием вертикалки двенадцатого калибра «ИЖ-27». Довольно старенькой, с потертым воронением, но, насколько он разбирается в этом вопросе, все еще в отличном состоянии.

Патронташ самый обычный, с двумя десятками патронов

в латунных гильзах. Хм. Несколько неудобно, потому как не видно, чем именно снаряжены патроны. Хотя... Патроны разделены на три группы, между которыми есть пропущенные гнезда. А вот и бумажки торчат, с пояснительными надписями. Итак, четыре патрона с дробью и по восемь с картечью и пульей. Если судить по боеприпасам, места тут развеселые.

Впрочем, Бекешу это и без того известно. Вон как недоумен и поминает свой былой арсенал, с которым чувствовал себя намного уверенней. Ну, да ничего. Только бы добраться до Георгиевска, а там можно будет... Хм. Ну и что там можно будет? Разве только пополнить боекомплект.

Из расчета пятнадцать копеек за один патрон в латунной гильзе, с последующим переснаряжением в пять копеек. Или можно прикупить папковый, то есть патрон в бумажной гильзе. Этот стоит восемь копеек. Вот только переснарядить его можно в самом лучшем случае четыре раза.

Н-да. По деньгам, наверное, лучше взять папковые. В его планы не входило оставаться при одном гладкостволе. Так что это только на первое время. И не покупать не получится. Если идти в степь, то нужно как минимум подготовиться и по возможности вооружиться до зубов.

И напоследок нож. Ну это даже не оружие. Тут с ножами все ходят. Оказаться без пистолета менее неприлично, чем без ножа. Конечно, нежелательно, но, с другой стороны, пистолет или револьвер денег стоят. Даже самый дешевый и

разболтанный обойдется не меньше пяти рублей. Нож куда как проще. Опять же пользы от него немало. Вот этим, с лезвием около двадцати сантиметров, можно при случае кому под ребра сунуть или выковырять грязь из-под ногтей. На выбор.

Оп-па. Здравствуй, попа новый год. А это еще что? Во внутреннем кармане обнаружилась небольшая книжечка с картонными корочками. Книжечка эта называется паспортом и выдана паспортным столом Кропоткинского княжества. О как, все кучеряво! У них тут даже паспортная система есть!

Память Бекешева услужливо подсказала, что таки да, имеется. Причем чуть ли не в каждом уважающем себя селе. Правда, документы эти разнятся от простой бумажки, лишь паспортными данными, фотографией владельца и печатью сельсовета, да вот такой книжечкой. Конечно, с дерматиновым покрытием как-то не задалось, обложка из простого картона. И все же.

При подготовке к отправке Шейранов, конечно же, постарался ознакомиться с реалиями этого мира. Но вот в такие мелочи не вдавался. Да и Перегудов не акцентировал на них внимание. А к чему, если в распоряжении кукловода есть память носителя. Ну а если чего не знает, то тут уж съемочная группа со всем своим удовольствием...

Во всяком случае, все именно так и декларировалось, хотя у Шейранова были все основания полагать, что помощь эта

будет весьма избирательной. До прямой подставы, конечно, не дойдет, но недоговоренностей будет предостаточно. Был у него уже опыт подобного подхода со стороны продюсера. Но, с другой стороны, Перегудова можно понять. Ему нужны настоящие, неподдельные эмоции, именно в этом вся соль данного реалити-шоу. И потом, на кону ведь жизнь бандита, который заслужил минимум три вышки. Так что жалости по отношению к нему у Антона не будет ни грамма. Хм. Ну и у Шейранова тоже.

А ничего ему в этот раз досталось тело. Бекешев любил понежиться и оттянуться от души на дорогом и, пожалуй, единственном в этом регионе морском курорте. (В прошлом году он весь сезон провел в том райском уголке, после одного удачного предприятия на большой дороге.) Но, с другой стороны, он немало времени проводил в чистом поле. Причем в лучшем случае передвигался верхом. Так что с физической подготовкой и выносливостью у него все было в порядке.

Спустившись с холма, Бекешев вышел на дорогу, петляющую между холмами и перелесками в сторону Георгиевска. Эта дорога не была торговым трактом. Тот тянулся с северо-запада и был более накатанным и широким. Здесь же простая полевая дорога, с полоской травы между колеями. Видимо, от каких-то вольных поселений, которые отличает полная самостоятельность.

В принципе, они бы с радостью променяли свою самостоятельность и свободу на чью-нибудь сильную руку. Но только

в том случае, если кто-то возьмется гарантировать им полную безопасность. Можно, конечно, переселиться поближе к Георгиевску, благо пустующей земли там хватает. Но и тут не все слава богу. Ведь в этом случае придется платить налоги. А князь натурой берет ровно столько, сколько потребно, чтобы заполнить свои закрома, и не больше. Реализуй оставшуюся продукцию и плати налог звонкой монетой. А где реализовывать-то?

Предложение продовольственного рынка давно и серьезно перекрывает спрос. Продукция крестьян стоит сущие копейки. А что делать, если земли и крестьян в достатке, а ртов, которые нужно кормить, не так уж и много.

Грешно сказать, землю пахут и урожай собирают на лошадях, хотя в каждом селе найдется пара-тройка тракторов со всем навесным да комбайн-другой, заботливо поставленные на консервацию в сухом сарае. А все оттого, что ГСМ стоит денег, которых у крестьян попросту нет. Вот и живут натуральным хозяйством, при сельском кузнеце и простеньком плуге. Хм. А ведь трактористов-то в тех селах, пожалуй, уже и нет. Если только старики. Да и те, наверное, уж позабыли, как звучит работающий дизель...

... По дороге шагалось легко. Только маленькие облачка пыли взбиваются подошвами сапог. Вроде и май, а успело землю просушить. Дорога то идет в гору, то спускается вниз. Но километры глотаются один за другим с легкостью. Возможно, причина еще и в том, что ноша у Бекешева довольно

легкая. Вместе с оружием едва ли десять кило получится. А для тренированного разбойника это как-то несерьезно. Вот и отмахивает в час километров семь.

А чего, собственно говоря, тянуть кота за подробности? Одно дело, если бы он сам не знал, что ему нужно. Тогда да. Пока путь-дорожка, можно обдумать свои будущие планы. Но с планами у него все было в полном порядке, и двигался он очень даже целеустремленно. Вот только пополнит припасы в Георгиевске. Опять же переночевать в безопасности не помешает. Уж на это его скудных средств хватит.

Все же хорошо иметь дело с предусмотрительными типами, к каковым однозначно можно отнести Бекешева. Простой носитель, террорист-революционер Шестаков вполне осознанно готовился к спокойной жизни. Бекеш же прекрасно понимал, где и как умрет или издохнет. Это ему было безразлично, коль скоро он уже будет мертвым. Но вот, если случится такая оказия, что ему придется бежать в одних портках, из той же неволи, он сделал три закладки. И до одной из них от Георгиевска около шестидесяти километров.

В каждом тайнике немудреный набор. Рюкзак с вещами, обувкой и консервированными продуктами. Небольшой мешочек с двадцатью золотыми червонцами. А что, две сотни рублей на первое время – это ой как немало. Ну и оружие с запасом патронов.

В закладке обязательно дробовик, который в степи вообще первое дело. Хищники могут появиться в самый нежиз-

данный момент. Картечью же работать навскидку куда как проще, чем пулей. Причем даже льву мало не покажется.

Ну и разумеется, более серьезные стволы, против куда более опасного двуногого противника. В двух случаях это были карабины Мосина, в третьем «маузера». Как-то мелькнула мысль заложить автомат или «СКС». Но, по здравом рассуждении, от этой мысли он все же отказался. Автоматические стволы слишком дорого стоят, чтобы вот так зарывать их в землю. И уж тем более если эта закладка в результате вовсе не понадобится.

У журчащего рядом с дорогой ручейка сделал привал и пообедал, чем продюсер послал. Ничего особенного, местная консервированная тушенка. В крупных княжествах имеется консервное производство и склады длительного хранения, где периодически производят обновление закладок. К продовольствию вообще отношение серьезное. Горе научило. Ну не выбрасывать же изъятые со складов консервы и сухие пайки. Вот и появляются те на рынке.

М-м-м. А тушенка-то просто объедение! Не то что в слое Шейранова. Там в банки закатывались жилы, обрезь и тому подобный неликвид, который в глотку полезет только с голодухи. Здесь же под слоем жира обнаружили мясные кубики, приготовленные ну очень вкусно.

Прислушался к мыслям Бекешева и обнаружил, что тот потешается над Шейрановым. И было от чего. В связи с тем что с нехваткой продовольствия здесь вопрос как бы не

вставал и между крестьянами наметилась серьезная конкуренция, те вынуждены были брать качеством. В каждой семье имелись свои рецепты, которые держались в строжайшей тайне. А как же иначе? При наличии большого выбора просто так в крестьянский карман копейка не упадет...

Георгиевск встретил его сухим рвом, перед которым имелось проволочное заграждение. За ним высокий вал, по склону которого также проходила колючка. Поверху вились перекрытые стрелковые окопы. Видны бетонные глыбы дотов, с темными провалами амбразур. Ничего по-настоящему серьезного, чтобы их сковырнуть у нынешних военных формирований, не было. Разве только использовать снайперский огонь. Да и то сомнительно. Достаточно использовать бронешитки, чтобы избавиться от такой опасности.

На въезде – КПП, усиленный огневыми точками из монолитного бетона. Никаких бетонных блоков не было и в помине. На обороноспособности города никто экономить не собирался. Это Ставрополь находится в паре сотен километров отсюда. Георгиевск же стоит в самом предгорье, а у некоторых горских дружин имеются самоходки и танки. Опять же ставропольская дружина по числу превосходит георгиевскую в разы, вот и приходится делать упор на серьезные укрепления. Вдобавок к этому на въезде постоянно дежурили два отделения. Вторые городские ворота находятся на противоположной стороне, и там картина такая же.

– Здравствуйте, – поздоровался Бекешев с двумя солдата-

ми и ефрейтором, стоявшими у шлагбаума.

– И тебе не хворать, – ответил ефрейтор, без сомнения, старший наряда. – Кто таков? Откуда путь держишь?

– Да так. Человек прохожий, обшит кожей. Скучно дома сидеть, вот и брожу по свету, – протягивая паспорт, ответил Бекешев.

– Сказочник, что ли? – боднул сердитым взглядом ефрейтор.

– А ты кто такой, чтобы я тебе о себе рассказывал? Я пока ничего не натворил, чтобы ответ держать, – ухмыльнувшись, не без иронии ответил Бекешев. – Твое дело проверить документы, убедиться, что меня нет в розыскных листах, а на мне – явных признаков какой заразы, получить пошлину за проход и отвалить в сторону.

– Типа самый умный?

– Типа закон знаю, и лишнего на себя не беру. И тебе не советую. Или напомнить, что Георгиевск в основном на транзите живет?

– Парни, а сдастся мне, у него лихоманка, – окидывая Бекешева изучающим взглядом, задумчиво произнес ефрейтор.

– О как! В карантин, стало быть, загребете. Молодца.

– Нужен ты нам в карантине. Проваливай. В проходе в город отказано.

– Плехов, что тут у тебя?

– Да вот, товарищ сержант, не глянулся я ефрейтору, и

решил он меня в город не пускать, — пожав плечами, начал пояснять Бекешев. — Даже лихоманку какую-то заприметил.

— Ну, значит, сомнения ты у него вызвал, — без раздумий поддержал своего подчиненного сержант. — А в нашем деле сомнение дело такое... Нам только заразы в городе не хватало. Так что проваливай.

— Не вопрос. Товарищ ефрейтор, позвольте мой паспорт. Ага. Ой беда-то какая. Не повезло вам, товарищ ефрейтор. Не подумав, вы как-то у заразного документики в свои руки приняли. Я-то пойду дальше своей лихоманкой трясти, а вам теперь придется минимум трое суток в карантине провести, — с наигранно расстроенным видом произнес Бекешев, а потом, став серьезным, закончил: — Или все же согласимся, что ты тут не по делу выеживаешься и много о себе думаешь. Сержант, я ведь так просто это не оставлю. Оно тебе надо, краснеть из-за какого-то сопляка, только что получившего лычки.

— Ну, ты на солидного купца не похож, чтобы из-за тебя краснеть, — почти весело хмыкнув, возразил сержант.

— Согласен. Да только, коль скоро речь зашла о заразной болезни, то и действовать вам следует по заведенному регламенту. И гнать меня заразного в поле никак нельзя. А следует определить в карантин, причем вместе с ефрейтором. Знаешь, как это называется одним словом? Геморрой.

— Понял, Плехов, какие порой кадры на дороге встречаются. Ну да ничего, поднаберешься опыта, станешь таких типов

на раз распознавать. Принимай от него пошлину, пломбируй ружьишко и пропускай. Пятьдесят копеек с тебя, умник.

– Чего это пятьдесят-то? Пошлина с одиночки десять.

– А это, чтобы в следующий раз ты поучтивее со служивыми был.

– Так не я начал.

– Не ты. А я закончил.

– Все, сержант, пятьдесят копеек, – выставив перед собой руки в примирительном жесте, дал заднюю Бекешев.

– Вот и ладушки.

Угу. Спорить с сержантом – себе дороже. Уж у этого-то за плечами солидный срок службы, и просто так крутить понты он не станет. Да хотя бы задержит до выяснения, как лицо, подпадающее под описание какого бандита. Иди потом доказывай, что ты не баран. Уж кто-кто, а Бекешев точно подпадет под одно из описаний, да, может, и не под одно. Даже такая особая примета, как вертикальный шрам через правые бровь и щеку, встречается в нескольких ориентировках, он как-то сам видел такие описания.

И на этом КПП точно имеются подобные. Никаких сомнений. Просто уж больно вызываяще себя ведет Бекешев, поэтому и не укладывается в картину с лиходеем. По идее, после того как его не выпустили в город, тот должен бы сдать назад и ретироваться. А этот продолжает переть бульдозером, что совсем никуда не годится в случае с бандитом, за которого назначена награда.

Уладив дела на КПП, Бекеш, наконец, прошел в город. Смешно сказать, но здесь он впервые. В окрестных деревнях бывал, а вот в городе как-то не сподобился. Да и ни к чему ему было сюда наведываться. Был в Кропоткине, потому как родом из тех мест. В Ставрополе, куда отправился наемником вместе с торговым караваном. Там же, собственно, и свернул на кривую дорожку. В Баксане, где сбывал награбленное и отдыхал после трудов тяжких. Ну и дважды побывал в Каспийске, отправляясь отдыхать на морское побережье. Вообще-то не так чтобы мало, если учесть, что на весь юг России живых всего-то девять городов. Так что с Георгиевском получается он больше половины объездил.

Вот сел, тех да, предостаточно. Конечно, гораздо меньше, чем в былые времена, когда от одного до другого два шага, но все равно больше, чем городов. Да и основное население сейчас составляют именно крестьяне. Потому что после ядерной зимы люди потянулись к земле, которая могла прокормить и их, и детей. Ремесла возникали все больше как сопутствующие занятия.

Какое-никакое производство так и вовсе началось, можно сказать, недавно. Да и то его совсем немного. В Ростове поставили на поток производство косилок, комбайнов, молотилок, зернодробилок, мельниц. И все на конной тяге. Производительность у них, конечно, смех сквозь слезы. Но, с другой стороны, не вручную, и то радость. Насчет дороговизны ГСМ для крестьян уже говорилось, и ничего смешного тут

нет.

В этом слое развал Союза не приключился, а потому и крестьяне не прочувствовали ГСМного беспредела. Шейранов помнил, как душили колхозы в девяностые. Когда нефтепродукты поставлялись по грабительским ценам, а крестьянская продукция стоила сущие копейки. Колхозники только посеяли зерно, а уже половину будущего урожая должны были отдать за поставленное топливо. А ведь еще и налоги, и зарплата, и неурожай может случиться. Конечно, и воры-начальники вносили свою лепту.

Ничего удивительного, что крестьяне предпочли стальному коню самого что ни на есть живого. Да и колхозы претерпели серьезные изменения. В условиях, когда над твоей головой не висит государственная машина, указывая, как тебе жить, ты не станешь вкладывать и за себя, и за того парня.

Хочешь трудиться в коллективном хозяйстве, трудись. Как говорится, от каждого по способностям, каждому по труду. Любишь бить баклуши и пить горькую, прощевай. Причем в прямом смысле этого слова. Выгонят вон из села. Потому как лодырь – он лодырь во всем. Такую безответственную личность и в караул ставить боязно. Возьмет уснет в уголке, а через то большая беда придет.

Причем большинство подобных типов не приживаются и в селах, где процветает частная собственность. С одной стороны, получается, как бы у них всяк сам себе хозяин. Хочется тебе вскапывать шесть соток огорода и жить на одной

картошке. Да ради бога. Но дом будь добр содержи в порядке, никаких лачуг или покосившихся плетней народ не потерпит. Налог в сельскую казну уплати и не греши. Да оружием себя и домочадцев обеспечить.

В каждом селе свои отряды самообороны, и оружием пользоваться должны уметь все. Случись надобность, женщины не только раненых обихаживают, но еще и являются резервом последней очереди, после подростков. А иначе здесь не выжить. Не захочешь отстаивать свою свободу с оружием в руках, будешь батрачить на какого-нибудь гордого горца, который только то и умеет, что воевать да грабить. Но зато как он это умеет, зар-паза! Любо-дорого.

Так вот. Если не отвечаешь требованиям, сразу за ворота. И семью твою вместе с тобой, если одного поля ягода. Жестко, конечно, но вполне справедливо. Нечего гниль держать под боком. Добра от этого не будет. Гниль – она как зараза. Один гнилой плод заведется, всему урожаю пропасть. Права человека? Нет, с этим Шейранов был полностью согласен. Но тогда и будь человеком, а не общественным паразитом, чтобы иметь эти самые права...

Итак, Георгиевск. Очень милый, чистый и аккуратный городок. Имеет самую обычную планировку и занимает не слишком большую площадь. Всего-то три продольные и три поперечные улицы, образующие небольшие кварталы. В центре, по периметру большой площади, расположены церковь, присутственные места и основные магазины и лавки города.

В кварталах возле ворот постоянные дворы, автомобильные стоянки и склады. У северного въезда располагается колхозный рынок. Название, ясное дело, осталось с советских времен, из четырех сел, находящихся под рукой князя, только в одном существует коллективное хозяйство. На рынке могут свободно торговать и пришлые крестьяне, это только приветствуется. Разве только местные платят по пять копеек за место, а все остальные по десять.

Участки под домовладения весьма скромные, ни о каких огородах не может быть и речи. Дома зачастую двухэтажные, выходят фасадами на улицу. На первом этаже либо мастерская, либо лавка, второй этаж жилой. За домом небольшой дворик, зачастую с клумбами или газонами и с беседкой, увитой вьюном. Расстояние между соседскими постройками чуть больше метра. В этом промежутке стены без окон, и во всю ширину прохода имеется калитка, чтобы можно было провести во дворик тачку с покупками или велосипед.

Кстати, последний является единственным средством передвижения по сплошь забранному в асфальт городским улицам. Места для двустороннего движения автомобилей, в принципе, хватает, но это на особый случай, мало ли что приключится. Ну или возникнет необходимость в связи с тем же строительством. Жизнь в стесненных условиях, в пределах периметра защитного вала, диктует свои условия. Так что особо не развернуться. Но, с другой стороны, и городок получается совсем небольшой, а потому велосипеды вполне

удовлетворяют потребности в транспорте.

Кстати, их производят и в Ростове, и в Ставрополе. В Георгиевске тоже имеется мастерская, но это чистой воды кустари. Они либо занимаются ремонтом, либо собирают свои экземпляры из старого хлама. А еще это практически единственный вид транспорта, производимый в регионе. Вторым являются мопеды, не так далеко ушедшие от велосипедов и жутко дорогие, что по стоимости, что в обслуживании.

Вопрос с транспортом решается за счет еще довоенных запасов. Тут и автоколонны, с их парками и складами запчастей. И колхозы, потому как в добротных хозяйствах техника содержалась вовсе не под открытым небом. Вообще, техники, хотя и старой по возрасту, пока в избытке. Князя под нее и запчасти даже отдельные склады длительного хранения устраивают. Задел на будущее.

Так, глаза по сторонам и отмечая для себя местоположение магазинов, лавок и мастерских, Бекешев дошел до гостиницы, примостившейся на первой от вала улице. То есть совсем даже не центральной. Но, с другой стороны, и не постоянный двор на въезде. Там имело смысл останавливаться, только если у тебя в наличии конь, о котором необходимо заботиться, и ходу дальше в город попросту нет.

Как, впрочем, и ожидалось, цены были не космическими, но и каморка ровно по деньгам. Можно было бы заказать и более солидные апартаменты, но ему это сейчас не по карману, только и надо, что переночевать не на улице. С рассветом

он покинет Георгиевск. Ну не любил Шейранов ситуации, когда у него в карманах ветер свищет.

Закинув вещи в номер, он наскоро ополоснулся в летнем душе, обнаружившемся на заднем дворе. Вода в емкости, окрашенной в черный цвет, успела изрядно прогреться. Кстати, в городе, оказывается, имеются центральная канализация и водопровод. Да и на улицах он видел широкие водостоки, с плавными обводами, забранными в асфальт, способные справиться с любым ливнем. Вот такие пироги с котятами!

Жаль только – переодеться в чистое не получится. Попросту не во что. Пришлось ограничиться одежной щеткой. Получилось вполне прилично. Все же за день пути он не успел так уж сильно запачкаться. Чего не скажешь об изрядно запыхавшихся сапогах.

Впрочем, проблема решилась без труда. Неподалеку от гостиницы на тротуаре пристроился чистильщик, который за две копейки быстро привел сапоги Бекешева в порядок. На Шейранова словно дохнуло из его молодости. Нет, чистильщиков он уже не застал. Но в Ессентуках была одна сапожная мастерская, рядом с которой стояла тумба для чистки обуви с кремами разного цвета и щетками под них. Бросил в баночку пятак, и чисть спокойно.

И вообще, им сейчас владело какое-то чувство нереальности. Словно он попал в восьмидесятые. Вот идет компания из трех девчушек и четверых мальчишек-подростков. У одного из них на плече магнитофон... «Электроника-302»!

Да-да, тот самый, который жевал кассеты через одну. И из него льется хриплая музыка, все тех же восьмидесятых. Обалдеть! «Модерн Токинг»! Это как же нужно было постараться, чтобы спустя сорок лет этот агрегат еще работал. Да и кассеты с магнитной лентой... Господи, а какой гордый вид у парня.

Услужливая память Бекеша подсказала, что вот такой агрегат в рабочем состоянии стоит не дешевле «калаша». Хм. Ну вообще-то ничего удивительного. В восемьдесят пятом, в слое Шейранова, такие магнитофоны, несмотря на сомнительное качество, были большим дефицитом и стоили около ста пятидесяти рублей. К примеру, его зарплата врача была всего лишь сто двадцать. Так что здесь и сейчас это вообще невообразимая редкость, и парню таки есть чем гордиться. Как, впрочем, и его родителям, сумевшим приобрести своему чаду такую дорогую игрушку.

Первое место, куда отправился Шейранов, по подсказке все того же Бекешева, была оружейная лавка. Дело близилось к вечеру, и вскоре торговцы начнут сворачивать свою деятельность. Последними закрываются продовольственные магазины, поэтому вопрос с продуктами можно было отложить на потом. А вот оружейный стоит посетить прямо сейчас.

Н-да. Все витрины буквально забиты оружием. Охотничьи ружья представлены двуствольными и одноствольными «ТОЗами» и «ИЖами». Никаких других моделей нет.

Имеются и мелкашки, однозарядный «ТОЗ-8» и магазинный «ТОЗ-17». Серьезные стволы представлены линейкой «Мосина», «Маузером» и «манлихером». А вон и автоматические, линейка «калашниковых», в обоих калибрах, «СКС» и «СВТ». Последняя имеется и с ортопедическим прикладом, как на «СВД». А вот самой драгуновки нет. В наличии даже пулеметы, как станковый «Максим», так и ручные немецкий «МГ-42» и русский «дегтярев». Пистолеты-пулеметы только отечественные «ППШ» и «ППД». А вон под стеклом витринного стола и сами пистолеты. Ну, в общем-то ожидаемо. Практически вся советская линейка. Из немцев «вальтер», тот что «ПЗ8», «парабеллум» и «маузер».

А вообще очень даже богатый магазин. Впрочем, стоит только припомнить, что в Георгиевске сходятся сразу несколько торговых трактов, как вопросы сразу отпадают. Город по большому счету живет с дороги. В одном из сел имеется даже небольшой нефтеперегонный комплекс, где получают вполне приличное топливо. Технику из своего слоя Сергей Федорович все же поостерегся бы заправлять на здешней заправке. Но советские раритеты вполне переваривали это топливо.

– Чем могу быть полезен? – Едва освободившись, лавочник обратил свое внимание на Бекешева.

– Мне нужны патроны, двенадцатого калибра. Двадцать штук картечи и десять пули.

– Папковая гильза или латунная?

– Папковая.

– Что-то еще?

Хм. Много чего еще. Бекешев как раз обратил внимание на дальний угол, где обнаружилась одежда. Ничего особенного, обычная форма советских времен, «стекляшка», в смысле, пошитая из синтетики, и ХБ. А еще афганка, или, как ее еще называли, «песчанка». Пожалуй, военная форма – единственная одежда в этом мире, которую можно приобрести в готовом виде и по стандартным размерам. Вся остальная – только индивидуальный пошив. Качество исполнения, разумеется, отличается, и цена вопроса – тоже.

Та же самая история с обувью. Как это ни парадоксально звучит, но армейские запасы обуви на оставшихся досягаемых складах уже закончились. Так что, хочешь сапоги, обращай к сапожнику, и если тот не сильно загружен, то, может быть, через несколько дней ты получишь требуемое. Но зато, если не поскупишься на хорошего мастера, получишь обувь, которая сядет по ноге, как влитая, и ни о каких мозолях вспоминать не придется.

То, что правильно намотанная портянка – панацея от всех болячек, вообще-то сказки про белого бычка. Если у тебя нестандартная нога, никакая портянка не спасет. Будешь мучиться, в том числе и до кровавых мозолей, пока обувь не разносится.

Ну с обувью у него сейчас полный порядок. А вот с одеждой... С учетом предстоящего путешествия, он бы с удо-

вольствием сменил свое одеяние хоть на армейскую форму. Все же на нем была слишком приличная одежда, подходящая больше для города. Да и эта ковбойская шляпа, жутко неудобная, или просто непривычная. Не суть важно. Ее бы он тоже сменил. Кстати, цены вполне приемлемые. «Стекляшка» два рубля, ХБ три, афганка пять, кепка пятьдесят копеек.

Хм. Вот только по его финансам он не может себе позволить даже ее. Об остальном говорить не приходится. Поэтому нечего и глазеть по сторонам. Шейранов вообще не любил праздного шатания по магазинам, с целью посмотреть, прицениться. В торговые заведения он приходил только с конкретной целью и, сделав покупку, тут же удалялся. Хм. Исключение являли собой только оружейные магазины, где он стремился осмотреть всё. Ну, любил он оружие, но не скупать же из-за этого целый арсенал. А в музеях никто тебе не даст подержать и пощупать даже «ППШ».

– Пожалуй, я возьму только патроны, – вздохнув, ответил Бекешев продавцу.

– Уверены? – Хозяин магазина явно уловил, как покупатель поглядывает на отдел одежды.

– Нет, конечно. Но денег ни на что другое нет.

– Ясно. Тогда с вас два рубля сорок копеек.

Расплатившись, Бекешев вышел на улицу с четким осознанием того, что у него в кармане осталось маловато: только один рубль и пятьдесят пять копеек. Что он там подумал,

обнаружив в кармане пять рублей? Что это не такие уж маленькие деньги по нынешним временам? Может, и так. Но это ведь зависит от твоих трат. Вот он, считай, и не купил ничего, а в карманах уже почти пусто.

Завернул в продовольственный магазин. Путешествовать ему двое суток. Он конечно, за день может пройти и побольше, чем среднестатистический пешеход. Но все одно – не лошадь, и шестьдесят километров за один переход ему не осилить. Так что продовольствие, как тут ни крути, потребуется. Хотя бы немного. На большее элементарно нет денег. Четыре банки тушенки по десять копеек да булка хлеба за копейку, вот и весь запас продовольствия.

После продуктового он направился в аптеку. В этом мире аптек в чистом виде не наблюдалось, они находились при больницах. Лекарства в любое время суток можно купить у дежурного фельдшера. Правда, с выбором тут не ахти, ну да лучше уж так, чем вообще никак. Хм. А еще цены. Н-да-а. Оставшихся денег Бекешеву хватило на пару индивидуальных перевязочных пакетов в прорезиненной упаковке.

Дорогая тут медицина. Реально дорогая. Не участвуя Шейранов в реалити-шоу, то развернулся бы тут так, что мама не горюй. Открыл бы в Георгиевске свою частную клинику, и к нему бы стекался народ со всех концов. Откуда такая уверенность? Так ведь не мог он обойти вниманием местную больницу, как говорится, родное заведение.

Больничка была невелика, всего-то четыре палаты. Две из

них, мужская и женская, по пять коек, и две одиночные, так сказать, для ВИП-персон. Родильное отделение из двух палат, и опять из расчета пять и одно койко-мест. Операционная общая, здесь спасали от недугов и ран, здесь же давали жизнь новорожденным. И врач тут был один, на все руки мастер, при нем трое фельдшеров, три сестрички да завхоз, который так же сам управлялся со всем хозяйством.

Местной больнице только десять лет. Раньше тут заведовал старенький доктор, еще советских времен, стоматолог по специальности. За время своей деятельности успел кое-как подготовить фельдшеров да сына своего стоматологии обучить. У него сейчас свой кабинет на центральной улице. Бекешев проходил мимо, когда бродил по городу.

Пять лет назад старик преставился, и князь зазвал в город другого врача, этого самого Вербицкого, на которого в княжестве разве только не молятся. Ему, кстати, сорок лет. То есть как такового медицинского образования у него не было и в помине. Он родился, когда вся эта беда рухнула на землю. Ну и где бы он нашел не то что достойное, а хотя бы завалящее медицинское учебное заведение?

Но отзываются о нем исключительно хорошо. Фельдшерица говорит, что Василий Петрович был сыном врача, и тот научил его всему тому, что умел сам, плюс обширная практика. Ну и наверняка сыграла роль одаренность и любовь к своему делу. Ничем иным успехи доктора Шейранов объяснить не мог. Как, впрочем, не мог оценить и его профессио-

нализм. Разве только с уверенностью заявить, что тот никак не дотянет до уровня самого Шейранова.

– Ну что, Юля? – оборвав разговор с Бекешевым, фельдшерица бросила тревожный взгляд на вбежавшую в подъезд больницы девушку, в белом халате.

– Анна Васильевна, он пьян в стельку. На ногах еле стоит и двух слов связать не может, – с отчаянием ответила девушка.

– Господи. Как не вовремя-то.

– Что же будет, Анна Васильевна?

– Что, что! Либо дождется Виталик, пока Василий Петрович протрезвеет, либо богу душу отдаст, – в сердцах скрежетнув зубами, ответила фельдшерица.

– Да как же так-то? – вдруг подал голос мужчина лет за тридцать.

Все это время он сидел в сторонке, на откидном стуле с деревянными спинкой, сиденьем и подлокотниками. В восьмидесятые такие частенько можно было встретить в присутственных местах, театрах или клубах. Вообще-то это наследие еще более ранних времен. Но в Союзе вообще все менялось очень медленно, как, например, вот такие жесткие сиденья на полумягкие образцы.

– Толик, ты уж извини, но пареньку твоему придется потерпеть, – виновато потупившись, вздохнула женщина.

– Значит, мой сын там помирает, а Вербицкий ханку жрет!

– Толик, Василий Петрович тоже человек. Ну откуда ему было знать, что беда приключится? Пригласили его на день

рождения крестницы, ну и выпил он лишка. Нешто ты никогда не пил?

– Я-то пил! Я-то пил! Да кто скажет, что от моей пьянки человек помер?! Кто скажет, что по моей вине у кого колесо отвалилось и он сломал себе что-то?! Ах вы...

Что там «вы», Бекеш выяснять не стал. Просто вдруг некогда стало. Хрясь! И мужик, собиравшийся приласкать своим неслабым кулаком фельдшерицу, отлетел в сторону, как тряпичная кукла. А потом безвольной, аморфной массой стек по стене. Н-да. А в теле бандита силы-то, как в ломовой лошади.

Бекешев присел над бесчувственным телом и приложил пальцы к сонной артерии. Мало ли. Бил-то от души. Нормально. Ну, может, потом помается малость головной болью, но сомнительно, чтобы возникли более серьезные последствия. Здоровый лось, и костяк будь здоров.

– Жив? – встревоженно поинтересовалась женщина.

– А что ему сделается. Пара-тройка минут, и придет в себя.

– Зачем вы так-то?

– А вы хотели, чтобы он вас приласкал? Спешу вас разочаровать, рука у него тяжелая, так что вам пришлось бы куда хуже, чем ему.

– Горе у человека. Понять можно.

– Горе всегда понять можно. Но это не значит, что сразу надо руки распускать. А что у вас случилось-то? Ну раз уж

я каким-то боком причастен.

– Сынишку он своего привез, Виталика. Четырнадцать лет. Мальчишка совсем. Я не врач, но, похоже, у него острый аппендицит. Ну а Василий Петрович... Словом, вы слышали.

Пока она объясняла ситуацию, успела вооружиться флакончиком с остро пахнущим нашатырем и ваткой. Поводила возле носа бесчувственного, приводя его в себя.

– Кхгхм. Убе-ери-и. Плохо пахнет, – недовольно скривившись, скорее простонал, чем произнес, Толик.

– Нюхай, дебошир. Будешь знать, как в больнице буянить.

– Анечка, ну как же так? А? Отчего такая напасть? А может, обойдется? Может, дождется Виталик? А?

– Анатолий, простите, не знаю вашего отчества, вы уж не обижайтесь, что я так-то. Просто...

– Ты кто? Да какая разница. Ты мне хоть всю скулу перемолоти, чтобы я только кашку жидкую кушал, только бы сын...

И тут мужик заплакал. Здоровый, крепкий, как вековой дуб, и расплакался, как беспомощный ребенок. Страшная картина. По-настоящему страшная. И описать ее словами просто невозможно. Не часто доводится видеть, как надламывается сильный человек. А ведь этот надлом, может, и полностью его сломать. Вот так, в одночасье, был человек, и вдруг потерял себя.

– Толик, ты позволишь посмотреть на твоего паренька? –

попросил разрешения Бекешев.

– А чего на него глядеть? – растирая заскорузлой ладонью по лицу слезы, поинтересовался мужчина.

– Ты голову-то включи. Погляжу, прикину, глядишь, помогу.

– А ты что же, человек прохожий, врач? – вскинулась фельдшерица.

– Ну так, видел кое-что, кое-чему у кое-кого поучился, – уклончиво ответил Бекешев.

– Кое-что у кое-кого. Я вон за десять лет тоже много чего видела, но на стол никого не тащу.

– Можно подумать, будто у вашего свет-Василия Петровича диплом об окончании медицинского университета, – отмахнулся Бекешев. – И потом, от вас требуется только операционная, инструмент и ассистент. Ответственность моя. Слышишь, Толик, если это и впрямь острый аппендицит, то нужно резать и прямо сейчас. До утра парень не дотянет.

– А ну пошел отсюда.

Женщина замахнулась на так не вовремя подвернувшегося вечернего покупателя. В сторонке тихо и жалобно пискнула сестричка Юля. Мужчина шумно шмыгнул, одновременно утирая рукавом невесть отчего засопливевший нос. Бекешев даже не шелохнулся, глядя прямо в глаза Анатолия.

– Анечка, пусть он режет, – вдруг поверив, решительно произнес отец.

– С ума сошел, Толик?! Ты же знать не знаешь, кто он и

откуда. Да его вообще никто не знает. Ты кто вообще? – это уже к Бекешеву.

– Человек прохожий, обшит кожей, – уже во второй раз за сегодня ответил Бекеш старой поговоркой, отчего-то всплывшей в памяти.

– Аня, пусть режет, – настаивал на своем Анатолий.

– Не дам.

– Ясно. Вот что, Толик, времени нет, я здесь свои законы устанавливать не собираюсь, а разбираться с ними будешь потом. Сейчас забираем Виталика – и к тебе домой. Уверен, что найдем там все нужное. А потом вернем его обратно и, коли понадобится, Василий Петрович доведет все до ума. Сейчас мальцу нужно хотя бы выиграть время.

– Ты что удумал? Ты как...

– Анна Васильевна, поверьте, мне приходилось оперировать в намного худших условиях. Причем пулевые ранения в брюшную полость. И мои пациенты поднимались. Так что, не сомневайтесь, я знаю, что делаю.

Женщина перевела взгляд с одного мужчины на другого, потом обратно. Не свернут. Один невесть с чего уверился в силах другого. Тот же стоит с таким видом, словно точно знает, что именно нужно делать. И плевать ему на операционную. Нужно будет, располосует парня посреди улицы. Вот к гадалке не ходи, сделает по-своему.

– Господи, спаси и сохрани! – истово перекрестившись, фельдшерица перевела взгляд на сестричку. – Ну чего замер-

ла, как статуя. Бегом готовить операционную, – не веря самой себе, распорядилась она.

А что ей еще было делать? Допустить, чтобы парнишку вскрыли в условиях полной антисанитарии? А так, глядишь, что-то и получится. Опять же, уж больно этот незнакомец выглядит уверенно. Кто знает, может, и впрямь умелец.

Глава 3

В поход

– Уже покидаете нас, Артем Сергеевич? Никак город наш не понравился? – осматривая и снимая пломбу с ружейного чехла, поинтересовался ефрейтор.

Нет, если бы это был кто другой, то еще ладно. Городок, что твоя деревня, в одном углу пукни, в другом вонь почуют. А тут еще и явный информационный голод. Поэтому ничего удивительного, что, несмотря на самое что ни на есть раннее утро, весть о случившемся уже обежала весь город. Да и случилось-то это часов в восемь вечера, а темнеет нынче попозже. Так что было время распространиться новости. Было.

Но все дело в том, что обращался-то к нему сейчас тот самый ефрейтор, который меньше суток назад был готов сожрать Бекешева с потрохами. Настолько обозлился, что zapomнил по имени-отчеству? Ага. А заодно и проникся уважением, после того как его тут слегка припозорили. С чего такие выводы? Так ведь уважительный тон, он ведь отличается от озлобленного или саркастического. Уж поверьте на слово.

– Ефрейтор, все нормально? Или ты с недосыпа? – не сдержал своего удивления Бекешев.

– Кхм. Вы, это... Извините, Артем Сергеевич. Не со зла

я. В общем...

– Все, парень, выдохни. Я тебя понял. Зла не держу. Сержант?

– Что, сержант? А-а. Не-э. То дело привычное. А как соплю повесили, так и подавно – теперь в ответе за себя и за тех парней, – Плехов задорно кивнул на двоих своих подчиненных. – За Виталика спасибо большое.

– Ты-то тут каким боком?

– Брательник он мой двоюродный.

– Ясно.

И впрямь, ясно. После всей той свистопляски, с эпидемиями и повальными смертями, к врачам и всевозможным лекарям отношение у людей особое. Уважительное. А уж если он показал себя в деле, то и подавно. Бекешев же спас близкого родственника этого парня. Если не безнадешный болван, то отношение свое должен пересмотреть. Вот он и пересмотрел. А что? Нормальный парень.

Кстати, с давешним пациентом, тем самым Виталиком, вмешательство Бекешева оказалось как нельзя вовремя. Еще немного, и гнойник лопнул бы. А уж тогда проблемы можно черпать ведрами. Тем более, с местным уровнем медицины и медикаментов.

– Так как насчет нашего города? – вновь поинтересовался парень.

– Да понравился он мне. Понравился. Чистый, аккуратный и тихий. Отчего не понравиться.

– Тихий, потому что больших конвоев нет. А как караван придет, так сразу шумно становится.

– Понятно. Но с большим городом все одно не сравнить, – закончив собирать ружье, подвел свой итог Бекешев.

– Кхм. Артем Сергеевич, вы бы прикрепили к ружью нож, на манер штыка, – посоветовал парень.

– Это еще зачем?

– Ну, была бы «МЦшка»², то ничего страшного. Четыре патрона в магазине, пятый в стволе. Нормально в общем. А у вас только два ствола. Случится собачья стая, отмахаться проще будет.

– Ну и как тот нож прикрепить? Дробью лезвие не посеку? Да и крепление делать, наверное, нужно.

– Не нужно ничего. Серега, вымочи метра два шпагата, – приказал ефрейтор одному из стражников.

Потом вооружился своим ножом, осмотрелся и, подобрав у стены сухую ветку с палец толщиной, тут же избавил ее от коры и отрезал небольшой кусок, сантиметра в три. Действуя сноровисто, он приложил рукоять ножа Бекеша сбоку к вертикальным стволам, подложил под нее палочку почти у дульного среза и начал приматывать мокрым шпагатом. При этом лезвие ножа легло не параллельно стволам, а под углом.

– Под таким углом лезвия неудобств в работе штыком почти никаких. Зато ни дробь, ни картечь его не посекут, они

² Имеется в виду «МЦ21-12» – самозарядное гладкоствольное охотничье ружье, производимое на Тульском оружейном заводе.

просто не успевают еще настолько разлететься, – пояснял свои действия парень.

– А болтаться не будет? На шпагате-то?

– Не. Проверено. Я же вон как плотно мотаю, виток к витку. А когда шпагат высохнет, то стянется так, как будто нож намертво прикрутили. Правда, под дождем все опять размокнет. А так очень даже прочно выходит. Опять же, шпагат, он тонкий, потому и мушку не перекрывает.

– Н-да. Век живи, век учись и дураком помрешь.

– А я гляжу, дядя Толик вам велик подарил? Это самый лучший. Для себя делал. Десять передач. Сказка, а не велосипед. В любую горку, как за здравствуй, – чуть не с придыханием охарактеризовал двухколесный транспорт ефрейтор.

Анатолий оказался владельцем и главным мастером мастерской по ремонту и сборке велосипедов. Когда операция была завершена и фельдшерица авторитетно заявила, что сам Василий Петрович не управился бы лучше, велосипедных дел мастер тут же поспешил предложить оплату. Ну, Бекешев и не стал отнекиваться. А что такого? Заслужил. Разве только...

– Я его одолжил. Так сказать, взял в прокат. Скатаюсь по делам и верну, – пояснил Бекеш.

– А вот этого вы даже не можете, – перестав наматывать шпагат, тут же вскинулся Плехов. – Он вам от чистого сердца, а вы прокат.

– Так ведь дорогой велик-то. Этот будет стоить, пожалуй,

под сотню рубликов. Мопед и тот двести пятьдесят. Такая операция не может стоить так дорого.

– Василий Петрович у нас единственный доктор, и если он... Короче, если бы не вы, не было бы Виталика. А жизнь дороже денег выходит.

– Ну, не стоит так сгущать краски. Лопнувший аппендикс – это, конечно, серьезно, но еще не смертный приговор.

– Не знаю. Вам виднее. А только я троих знал, у которых этот аппендицит лопнул. И всех троих на кладбище снесли. Василий Петрович, он, конечно, хорош, но может далеко не все. Да и сам этого не скрывает. Готово. Теперь на солнышке и ветерке пообсохнет, и будет красота.

– Спасибо.

– Да не за что. До скорого.

– Так уверен, что скоро вернусь?

– А чего вам не вернуться, если дяде Толику велик соби-
рались обратно отдавать.

– Тебя как зовут-то, умник?

– Семеном.

– Ну тогда спасибо тебе, Семен. И до скорого, – повесив
дробовик на грудь, Бекешев оседлал стального коня и нада-
вил на педаль.

«А дорога серою лентою вьется...»³ Н-да. А вот дождя в
смотровое стекло не надо. Во-первых, стекла этого самого

³ Песня о шофере – «А дорога серою лентою вьется, залито дождем смотровое
стекло...».

нет, как нет и кабины, способной укрыть от непогоды. Ну и во-вторых, грязь, она всегда ни к месту. А уж когда ты едешь на велосипеде, так и подавно. Тогда ведь не ты на нем, а он на тебе кататься будет.

Странный все же какой-то этот Бекешев. Душегуб редкостный. Руки в крови не то что по локти, по самую маковку он в ней изгваздан. А велосипеду и лежащейся под колеса дороге радуется, как мальчишка. Еще и сожалеет, что, дубина такая, раньше не приобрел себе игрушку для покатушек. Хотя в детстве с пацанами носились по окрестностям родного села, будто угорелые. Вот так с утра быстренько закончишь все, что батя нарезал на день, и бегом со двора. Их село зажиточное было, так что велики имелись у всех его сверстников.

... Полевая дорога вилась вдоль старой дороги, отсыпанной гравием и когда-то покрытой асфальтом. Старые дороги все еще используют, но только тогда, когда по такой вот полевой из-за грязи не проехать. После войны дороги еще какое-то время сопротивлялись бегу лет, но в итоге начали сдавать свои позиции. Мороз, оттепель, дожди и время от времени проходивший по ним транспорт сделали свое дело. Как результат – асфальтовое покрытие разрушалось, появлялись ямы, причем порой весьма глубокие.

Словом, настало время, когда проезжий люд, вместо того чтобы трястись по бесконечным выбоинам, предпочел передвигаться по проселкам. Вот так теперь и катаются. Порой

даже в непролазную грязь предпочитают переждать непогоду, пока дороги не просохнут. Угу. Езда по нынешним трассам сродни геморрою в острой стадии.

Зато сами эти трассы стали источником асфальта для тех же городов и сел. А что? Все одно в результате ливни смоят его без всякого толку. А так он еще послужит на пользу людям. Конечно, есть битум, и технология изготовления этого самого асфальта ничуть не утратилась. Но на дороге-то асфальт дармовой, только разогрей до нужной кондиции и перестилай.

Поначалу навстречу Бекешеву достаточно часто попадались крестьяне, направлявшиеся в сторону Георгиевска. В основном на все тех же велосипедах. Разве только конструкция у них была необычной для восьмидесятых. Впрочем, чему тут удивляться. До войны их производили строго по утвержденному образцу и ГОСТу. А сейчас, в условиях свободного предпринимательства, спрос рождает предложение, и никак иначе.

Трехколесные, грузовые варианты, с большой корзиной, отвечали современным реалиям, вот и были распространены в селах. До города не так чтобы и далеко, поэтому можно с утра отправиться на рынок, а после обеда вернуться обратно. Очень удобно для реализации молочной продукции. И на въезде в город пошлину придется платить только за себя. Велосипеды пошлиной не облагались. А вот если гужевая повозка, то тут уж будь любезен.

Кстати, все встреченные им люди вооружены. В основном дробовиками. Но были и более серьезные стволы и пистолеты. А одна велосипедистка щеголяла с «ППД» на груди. Вообще-то достаточно дорогое оружие, целых шестьсот рублей. Впрочем, очень даже может быть, что оно не покупалось. Есть множество вариантов, как пулемет мог оказаться в крестьянских руках.

Проехал всего ничего, а солнце уже начало припекать. Все же эта ковбойская шляпа никуда не годится. По лицу струится пот, затекая в глаза. Остановился, определив шляпу в объемную корзину заднего багажника, где находился вещмешок. Кстати, другая корзина прикреплена к рулю. Очень удобно, и увезти можно немало.

Хорошо бы шемаг, к которому успел по привыкнуть Бекешев. Да на худой конец сошла бы косынка, в качестве банданы. Но пришлось ограничиться полоской, оторванной от тряпицы, в которую был завернут хлеб. Повязал на лоб. Это не даст поту заливать глаза.

В этот момент он обратил внимание на столб пыли, приближающийся к нему по дороге. Однозначно какой-то автомобиль. Причем, судя по пыли, идет на приличной скорости. И что бы это значило? Йожики курносые. Может, княжеский патруль? Да какая, собственно, разница. В его планы вовсе не входит встреча с этими ребятами. Он отправился в этот путь по совершенно иной причине. Ему нужно добраться до оставленной пару лет назад закладки. А все, что не отвечает

этой цели, побоку.

Приняв решение, Бекешев полез на дорожную насыпь, чтобы укрыться за ее обратным скатом. Так будет надежнее, чем встречаться неизвестно с кем, с одним дробовиком в руках. Даже если бы с пулеметом. Без товарища, готового прикрыть спину, это глупо.

Дорога с обратного ската отсутствовала, и продолжать путешествие на железном коне по целине было весьма проблематично. Решил переждать, пока не проедет автомобиль. И тот не заставил себя долго ждать. Промчался очень даже резво. Причем пыльное облако накрыло даже Бекешева.

Судя по звуку двигателя, «УАЗ». Ну точно, либо патруль, либо охотники за головами. Они тоже любят эту машину. Компактная, обладающая высокой проходимостью и способная унести до тонны груза. Но могут быть и банальные бандиты. И пускай тут все еще княжеские земли. Когда это они уважали чужие законы?

Пропустив неизвестных, снова вернулся на дорогу и оседлал велосипед. До границы княжества осталось совсем немного. Километров пять, не больше. Скоро слева появится вал периметра одного из сел, к которому от большака отходит дополнительный проселок. А дорога с ответвлениями незначительных проселков пойдет дальше, на Баксан. Но Бекешу на этот раз не туда.

Примерно минут через пятнадцать он в очередной раз нашел укрытие, и вновь пропустил «УАЗ», промчавшийся в

обратном направлении. Чего это они тут носятся, как дурень с писаной торбой? Может, кто-то в Георгиевске признал Бекеша и на него началась охота? Хм. Как вариант вполне возможно.

Он, конечно, старался не светить лицом в Баксане и Каспийске, где бывали русские купцы. И уж точно не показывал свои документы и не назывался своим именем. А в русских поселениях никто и никогда не мог связать Бекешева и бандита Бекеша. Во всяком случае, он на это надеялся. И тем не менее, риск того, что его кто-нибудь опознает, был достаточно существенным, чтобы ожидать возможных неприятностей.

Ну вот и неприятности пошли косяком! Бекеш в мгновение спрыгнул на землю, бросив загромыхавший в пыли велосипед, и перехватил ружье, наводя стволы на внезапно появившихся на дороге двух вооруженных до зубов парней. Большой палец толкнул вперед ползунок предохранителя, указательный лег на первый спусковой крючок.

– Э-э-э, стоп, дядя! – Оставив повисший на груди «АКС-74», один из парней выставил перед собой руки в примирительном жесте.

Правда, при этом держался весьма грамотно, не перекрывая сектор стрельбы своему товарищу. Тот и не думал опускать оружие, держа его наготове, хотя и не целился в Бекеша, чтобы не провоцировать того. Вот только никаких сомнений в том, что, случись надобность, он не промажет и навскидку.

Опытного бойца видно сразу. А другим в княжеской дружине делать нечего. Нашивки, указывающие на это, видны достаточно хорошо.

– Чем обязан вниманию со стороны княжеской дружины?

– Ружьишко-то опусти. Не ровен час начнешь нервничать, потом все жалеть будут.

– С нервами у меня порядок. И ружье в руках не первый день держу. А вот доверять незнакомцам в чистом поле жизнь отучила. Так чем обязан?

Бекеш слегка сместился в сторону. На самую малость. Перекрыть сектор стрельбы для второго не получится. Боец это понимает, а потому и ответных действий никаких не последовало. Зато случись Бекешу стрелять, то есть вариант одним выстрелом достать сразу двоих. Расстояние вполне позволит картечи разлететься. Шанс, конечно, невелик, но в его ситуации нужно использовать любую мало-мальскую возможность.

Дружинники, похоже, этой возможности не замечают. Нет опыта обращения с дробовиками? Очень может быть. А возможно, сознательно позволяют ему занять более выгодную позицию, чтобы не спровоцировать стрельбу. Ну-ну. Как говорится, будем посмотреть.

– Это правильно. Доверять кому ни попадя не следует. Но мы-то георгиевские дружинники.

– Во-первых, не факт. Во-вторых, я не нарушал законов княжества, чтобы за мной устраивали охоту. А судя по все-

му, дело обстоит именно так.

Н-да. Ситуация. Ну и как теперь быть. Разойтись миром? Можно, но только в этом случае все козыря на руках у дружинников. Это сейчас, когда до дальнего из них не больше двадцати метров, его дробовик выдерживает хоть какую-то конкуренцию. Но сотня метров – и он вообще ничего не сможет с ними поделаться, в то время как парни смогут вести прицельный огонь. Валить их первым? Нафиг, нафиг. На это Шейранов пойти не мог.

– Да, мы искали тебя. Но не по той причине, по какой думаешь ты, – возразил дружинник.

– И откуда тебе знать, о чем я думаю?

– Да без разницы. Что бы ты ни подумал, все мимо. Змей, здесь Гюрза, – вызвал боец по рации, гарнитура которой была надета на его голову. – Клиент нервничает. Передаю ему рацию. Мужик, пользоваться рацией-то умеешь?

– Еще и тебя научу, – ответил Бекеш.

– И откуда ты такой всезнайка взялся? Ладно, вот кладу ее на траву и отхожу в сторону. Переговори.

– Змей? – подобрав гарнитуру и все так же продолжая удерживать парочку дружинников на прицеле, вызвал Бекешев.

– Это не Змей. Я Вербицкий, доктор из Георгиевска.

– Чем обязан?

– Дождитесь меня. Мы уже едем к вам и будем минут через пятнадцать. Нам необходимо переговорить. Вам никто

не причинит вреда.

Угу. Может, и так, а может, и нет. Но выбор невелик. Либо валить нормальных в общем-то парней и с высокой долей вероятности отправить к праотцам тело своего носителя. Либо дожидаться доктора и переговорить с ним.

– Ладно. Жду пятнадцать минут и ни минутой больше.

Дружинники уложились в оговоренный промежуток времени. Ну, скорее всего. Потому как часов у Бекешева не было, и с точностью у него имелись некие сложности. Ну да не суть важно. Главное, что приехали, и парни за это время не дали повода спустить курки. Хотя напряжение так и висело в воздухе.

Едва «УАЗ» остановился, из него вышел мужчина в самом обычном темном костюме и направился к Бекешеву. Несмотря на излучаемую уверенность в каждом шаге и жесте, было абсолютно понятно, что этот человек не боец. Но да. Цену своей дражайшей персоне он знает.

– Здравствуйте, Артем Сергеевич, – едва приблизившись, протянул руку доктор.

– И вам не хворать, – ставя ружье на предохранитель и отвечая на рукопожатие, произнес Бекешев.

– Если вы не против, то я сразу к делу.

– Да уж будьте добры. Я и без того потерял много времени.

– Простите. Но думаю, что смогу компенсировать эти неудобства. Итак, памятуя о посещении Юленьки, я сегодня утром прибежал в больницу, чтобы заняться мальчиком.

– С головной болью и трясущимися руками? – вздернул бровь Бекешев.

– А какой у мальчика был бы выбор, если бы не вы?

– Хм. Согласен.

– Так вот. Я осмотрел вашу работу и выслушал Анну Васильевну, которая описала ход операции. Должен заметить, что все было проделано просто виртуозно.

– Спасибо.

– Именно поэтому я спозаранку поднял дежурную команду дружины и помчался на ваши поиски. Не смотрите так. Доктор достаточно важная персона, чтобы за пределами города его серьезно охраняли.

– Да я не спорю. Но вы обещали сразу к делу.

– Да, да, конечно. Я хотел бы с вами побеседовать, а может, и обменяться кое-каким опытом. Как вы понимаете, университетов сейчас нет.

– А еще я понимаю, что никто и ни с кем просто так своими знаниями не делится. Вот вы, например, подтянули фельдшеров на нужный уровень, чтобы иметь нормальных помощников, и на этом остановились. Учеников не берете, и я уверен, что профессию будете передавать своим детям, которые пока еще малы. Как это сделал ваш предшественник, сын которого сейчас является единственным стоматологом на всю округу.

– Я пока еще не знаю, каков уровень вашей подготовки. И потом, будь он высок...

– Он достаточно высок. И вы это поняли, едва только взглянули на мою работу.

– Кхм.

– Конкретно. Чего вы хотите?

– Я хочу перенять у вас то, чего не умею сам. А еще хочу, чтобы вы остались в Георгиевске ровно на год. Зарплата достойная, сто рублей в месяц. Князь согласен оплатить мою поездку в Ставрополь, для повышения квалификации, но при этом не может оставить княжество без врача на целый год.

– Так пусть на этот год выпишет доктора из того же Ставрополя.

– Это обойдется казне в круглую сумму, ничуть не меньшую, чем мое повышение квалификации.

– Иными словами, вы хотите решить свои проблемы за мой счет. Неинтересно.

– Но...

– Вы можете попробовать заставить меня. Но я бы вам этого не советовал. Мне претит сидеть на цепи. Я раньше сдохну, чем позволю кому-то распоряжаться мною. Угу. Вижу, что вы мне верите. Люблю иметь дело с умными людьми. Значит, так, уважаемый Василий Петрович, я вижу, что вы не упустите свою выгоду. Но в то же время понимаю, что человек вы целеустремленный и готовы отдаваться своей профессии без остатка. Готов поспорить, что о женитьбе вы задумались, только когда вас осенило, что знания свои вам

оставить некому, а учить кого-то со стороны вам попросту претит.

– К чему этот спич?

– К тому, что сейчас мы расстанемся. Но в следующий мой приезд в Георгиевск мы обязательно с вами встретимся, и я буду готов провести с вами несколько конструктивных бесед. А также окажу посильную помощь. Но ни на что большее не рассчитывайте.

– Это окончательно?

– Уж поверьте. Либо вы получите куда меньше, чем рассчитывали. Либо вообще ничего не получите, кроме ненужных сожалений.

– Н-да. Жаль. Но, как говорится, лучше синица в руках. Я буду ждать следующей нашей встречи. Змей, мы уезжаем, – обернувшись, окликнул одного из дружинников доктор.

– А-а.

– Артем Сергеевич отказался от моего предложения.

– Прошу прощения, но у меня приказ.

– Знаю. Я сам все объясню князю.

– Н-да. Пожалуй, так будет лучше, – окинув внимательным взглядом Бекешева и распознав в нем родственную душу, пришел к выводу старший группы. – Уходим, парни.

Вот и ладно. Хотя не пришлось в никого стрелять, и то радует. А в Георгиевск он еще вернется и с Вербицким общается. И скорее всего, подскажет что умного. Уж в чем, в чем, а в этом у Шейранова сомнений не было никаких. При-

чем в настоящий момент он намерен сделать это совершенно бесплатно. Ну а там как сложится. Правда, есть еще и такой момент, как недостаток нужного оборудования и медикаментов. Но тут уж он ничего поделать не мог.

Покинув пределы княжества, о чем возвестила табличка, он ехал по тракту еще целый час. За все это время ему больше никто не повстречался. Что, признаться, только радовало. Ну их, эти дороги по ничейной земле. Если в княжествах хотя и опасно, но все же действуют какие-то законы (вон даже крестьяне самостоятельно ездят в город, хотя и держатся при этом одной рукой за оружие), то про дикие территории и говорить не приходилось. Тут каждый встречный представлял собой потенциальную угрозу.

Дальше поселения отсутствовали. Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск находились в стороне от основного тракта, а потому представляли собой мертвые города. Страшась всевозможной заразы, люди обходили эти пустоши стороной. Разве только прошлись по окраинам. Ближе к центру все осталось нетронутым. Ну или почти нетронутым. Все же сорвиголов, готовых рискнуть ради большого барыша, хватало во все времена.

Лично Шейранов считал эти страхи излишними. Нет там уже никакой заразы. Слишком много времени прошло. Но ты поди объясни это людям, впитавшим страх с молоком матери. Кстати, Бекешев и сам не горел желанием соваться так глубоко. И тайник он обустроил на самой окраине ессентук-

ской пустоши. А ведь, казалось бы, уже давно и окончательно смирился с тем, что своей смертью не помрет.

Свернув с тракта, Бекеш поехал по заброшенной дороге, ведущей к Пятигорску. С одной стороны потянулось старое и основательно заросшее кладбище. С другой – полуразвалившиеся домики дачных участков. Сама дорога заброшенная, и ее состояние оставляет желать лучшего, но в общем и целом вполне терпимо. Люди поблизости не проживают, а потому и асфальт никто не разбирает для повторного использования. Так что, объезжая выбоины и промоины, вполне можно было поддерживать приличную скорость. А уж под горку и подавно.

Самого города Шейранов не опасался, как, впрочем, и Бекеш. Он уже успел увериться в том, что завладевший его телом разбирается в подобных вопросах куда как больше. Сергей Федорович был вынужден не загонять этого типа в самый дальний уголок сознания или полностью заблокировать его. Вместо этого он как бы держал его в полудреме, одновременно контролируя оба сознания, свое и подопечного. Этот мир был слишком опасен и непривычен, а потому требовал особого подхода.

Так вот, заразы в пределах города он не опасался, чего нельзя сказать о собаках. Эти как раз любили устраивать свои логова не в чистом поле, а в бывшем человеческом жилье. Для них это было в некотором роде и привычнее, и удобнее. За добычей совсем даже не обязательно выходить в по-

ле, она и здесь встречалась довольно регулярно.

Конечно, в центре пустошей животные появляются редко. Просто там делать нечего. Если только какой животине вздумается пересечь пустошь транзитом. А вот частный сектор, по окраинам, тот куда интереснее. На бывших огородах и в садах вызревает урожай уже практически одичавших фруктов и овощей. Вот зверье и тянется сюда, чтобы полакомиться.

Пятигорскую пустошь Бекеш пересек, так и не встретившись с собаками. Впрочем, данное обстоятельство его ничуть не расстроило. Обогнул мертвое село Юца по объездной. Надо признать, тут от дороги практически ничего не осталось. Она и в былые времена не отличалась хорошим покрытием, а уж после столь длительного отсутствия какого-либо ухода тем более.

Когда начал спускаться к станции Ессентукской, невольно остановился, окидывая взглядом местность, так похожую на родную. Даже дома отсюда выглядят вполне целыми, разве только зелени больше, чем было на его памяти. Ну да. Деревья, предоставленные самим себе, разрослись просто на диво.

Очень много грецкого ореха. Здешний климат ему хорошо подходит, вот и плодится. Бекеш проезжал участки, где раньше были ореховые лесополосы – теперь там целые рощи. Орех пророс даже на дороге, вздыбив дорожное покрытие, отвоевывая себе место под солнцем. Так что ехать там было

практически невозможно, и большую часть пути Бекеш проделал пешком.

Н-да. Понятно, что местные жители, даже при всей своей похожести и зачастую одинаковых паспортных данных, все не являются друг другу близкими людьми. Проверено. Двойники не пересекаются на генетическом уровне. И если, к примеру, сойтись с двойником своей сестры, то на выходе получится вполне здоровое потомство. Но...

Шейранов никак не мог избавиться от мыслей о своем двойнике и о двойниках своих близких. Одно дело, когда он был в слоях, где они еще не появились. И совсем другое, вот здесь и сейчас. В восемьдесят пятом ему стукнуло тридцать шесть. У него уже была семья. Значит, если здесь имелся его двойник... А тут такая беда...

– Сергей Федорович, ты бы не терзал себя, – в голове вдруг раздался голос Перегудова.

– Бдишь, Антон? – сглотнув комок, подступивший к горлу, выдавил Шейранов.

– А ты как думаешь? Просто пойми, это не ты и не твои близкие. Это зазеркалье. И твой двойник очень даже мог оказаться, в отличие от тебя, самым настоящим эгоистом или еще что похуже. Да вон хоть тем же Бекешем.

– Да понимаю я все. Умом. Ну как такое могло случиться?

– Однозначного мнения нет, ты же знаешь.

– Знаю. Но постигнуть всего этого никак не могу.

Перед отправкой сюда с ним предварительно поработал

психолог, и Шейранов прошел кое-какую подготовку, чтобы не свихнуться. Но по-настоящему столкнуться с масштабами катастрофы он смог только сейчас. Правда, ему показывали и более страшные кадры, причем в виртуале. Но все это было как бы ненастоящим. А тут... Когда он пересекал Пятигорск, то видел множество человеческих костей и черепов, просто валявшихся на дороге или на обочине. И это уже по-настоящему.

И все же он сумел отнестись к увиденному с относительной холодностью. Но теперь ему предстояло оказаться в родном городе. И переживания накатили с новой силой. Перегудов наверняка заметил резкое изменение в его телеметрии, поэтому и забеспокоился.

Ручей нашелся именно там, где и должен был находиться. Ничего не изменилось, разве только заросло травой и камышом. А так, все те же бетонные кольца, успевшие покрыться мхом, та же труба, разве только покрытая толстым слоем ржавчины. Вообще, удивительно, как еще не рассыпалась в труху. Но вот она перед ним, и из нее струится прозрачная родниковая вода. Может, сказалось то самое советское качество, которое не перестают поминать даже в его слое. Впрочем, трудно с этим спорить. При советах качество было лучше, чем после развала СССР. Не всегда и не во всем, но все же.

Опорожнил свою фляжку и, набрав по новой, опрокинул ее в себя одним махом. Потом умылся, подставил голову под

ледяную струю. Вроде помогло. Взбодрился. Мысли более или менее упорядочились. Дрожь пропала. В смысле, его еще трясет, но это из-за мокрой головы и прилипшей к телу рубашки. Сейчас май, и на солнце жарко. Но в тени прохладно, и ветерок гуляет. А он сейчас под раскидистой ивой, под которой прохладно даже в самую знойную жару. Есть такая приятная особенность у этого дерева...

Снова в седле, и снова разбитая, можно сказать, древняя дорога ложится под колеса. После своеобразного купания стало значительно легче. Во всяком случае, удалось отвлечься от тягостных мыслей. А чтобы не свернуть к ним обратно, Шейранов осматривал окрестности, подмечая все схожее со знакомой ему картиной родного слоя.

В общем и целом, местность не изменилась. Разве только поля потеряли свои строгие очертания, придаваемые им лесополосами. Лишившись человеческого ухода, те повели себя по-разному. Одни участки погибли, и там, в лучшем случае, торчали сухие стволы. Другие, наоборот, разрослись в рощи.

Хм. А вот и дикие коровы. Бог весть, как их еще назвать. Хотя корова это вроде бы самка, а самец – бык. Но услужливая память Бекеша подсказала, что местные по этому поводу не заморачиваются и называют этих животных именно дикими коровами. Кстати, естественный отбор в действии. Слабые животные вымерли, уступив дорогу более сильным. Живой вес коровы в среднем достигает тонны, быков – полу-

тора. И это при том, что буренки в крестьянских хозяйствах остались при прежних размерах и весе.

Когда он достиг станицы, до заката оставалось часа три, не больше. Угу. Будь здесь нормальные дороги, это расстояние можно было преодолеть намного быстрее. Но местные реалии вносили свои коррективы.

Разумеется, основной целью был оставленный Бекешем тайник. Деньги и нормальное оружие ему сейчас совсем не помешают. Как, впрочем, и нормальный транспорт. Нужно было вкусить все прелести сегодняшнего путешествия, чтобы осознать, что велосипед в условиях бездорожья не то средство передвижения, которое хотелось бы иметь под рукой. Вот лошадь совсем другое дело. И кстати, вот этот железный агрегат по стоимости вполне сопоставим с достаточно приличной лошаденкой в полной упряжи. Такие вот перекосы.

Он, конечно, говорил о том, что взял велосипед только в прокат. Но, с другой стороны, ему ведь дали понять, чтобы он не смел обижать счастливого отца. Тот, возможно, уже пожалел о своей щедрости, но заднюю не даст, однозначно. Мало того, попробуй Бекеш вернуть ему велосипед, так еще и обидится на всю жизнь. Лицо оно дорогого стоит. А несмотря ни на какие катаклизмы, Кавказ остался Кавказом. И даже стал им в еще большей мере. Словом, лучше Бекешу распорядиться железным коньком по своему усмотрению, чем начинать городить ненужный огород.

Но кроме тайника у Бекеша была еще одна цель. Больница. И лучше бы ему повезло разжиться всем необходимым в районной, потому как до городской придется добираться по бездорожью часа два, никак не меньше. Это, если до войны успели построить новый мост через Подкумок.

Можно, конечно, попробовать и через город. Так, возможно, получится быстрее. Но, признаться, ему было чуть страшновато. Улицы мертвого города откровенно пугали. Вон, проехался по самому краю Пятигорска и слегка захватил Юцу, а натерпелся. Никакая нервная система этого не выдержит.

Пройти же мимо больницы он никак не мог. По уже сложившейся привычке он решил обзавестись медицинским инструментом. Заполучив хоть небольшой профессиональный набор, он чувствовал бы себя увереннее. Опять же это может быть хорошим подспорьем. Он пока понятия не имеет, чем будет заниматься, но возможность использовать свои профессиональные навыки никогда не будет лишней.

Купить же хирургические инструменты... Товар достаточно специфичный, и в свободной продаже его нет. Если в СССР это было нереально, потому что инструмент поставлялся централизованно через министерство здравоохранения, то здесь его можно раздобыть только у мародеров, но тогда уж цена будет запредельной. Ведь он остался лишь в операционных старых больниц. То есть в пустошах.

А куда в первую очередь свозили всех больных? Угу. Так

что, если народ шарахался от городов, как черт от ладана, то больницы вообще были сродни самому настоящему аду. Словом, оставался только один вариант заполучить хотя бы самый простенький набор – собрать его самостоятельно в больнице. Вот такие пироги с котятами!

Кстати, сделать это в местной больнице намного реальней, чем, к примеру, в Пятигорске. Ессентуки и Кисловодск всегда были на отшибе. Так что шансы, что сюда не добрались охотники за добычей, довольно велики. Опять же при незначительном спросе и желающих рисковать будет немного. А спрос, разумеется, скромнее, чем был в СССР...

Вообще-то Шейранов предпочел бы подойти к больнице пешком, со стороны поля. Благо она на окраине, и задний двор выходит как раз на пустырь. Будет меньше опасности встретиться со сворой собак. И Бекеш был с ним в этом полностью солидарен. Вот только подобный путь отнял бы не меньше пары часов пешей прогулки.

Пусть коровы, лошади, козы, олени и остальная травоядная живность выстригла траву напрочь, тем не менее, ехать на велосипеде по бездорожью не получится. Подобная поездка была бы сродни изощренной пытке. И без того мучается на здешних дорогах, а там и вовсе вытряс бы из себя душу.

Пришлось ему добираться до цели по улицам станицы. Причем все время вертя головой. Помнится по детству, собачки любили облаивать велосипедиста. Нагонит молча, а

потом под самой ногой ка-ак зальется: «Ав-ав-ав-ав-ав!» Душа в пятки соскакивает. Сегодняшние собачки тоже догоняют молча, вот только тявкать и не подумают, а сразу вцепятся. Да и по одиночке не бегают. Так что, если уронят на землю, тут даже пулемет не поможет.

Вопреки опасениям, до больницы добрался быстро и без приключений. Как говорится, всего делов-то, пятнадцать минут страха, и вот оно, трехэтажное здание с пустыми глазницами окон. Лишь кое-где сохранились грязные стекла, через которые ничего не видно, и свет они едва пропускают. Ему доводилось такие видеть на растворобетонном узле. Но там был цемент, буквально въевшийся в стекло. А здесь?

Впрочем, а чего он хотел? Сорок лет прошло. Тут впору удивляться, как стекла вообще сохранились и на чем держатся. Дерево наверняка сгнило в труху. Тронь такое окошко, и стекло вывалится. А еще оно может полететь вниз от порыва ветра. На первом этаже целых стекол практически нет. Сохранились они в основном на третьем. И прилетевший с такой высоты привет здоровья никак не добавит. Поэтому Бекеш предпочел приблизиться к зданию со стороны парадного входа, где имелся бетонный козырек.

На стоянке перед больницей и во дворе десятка четыре автомобилей. В общем и целом для сорока лет под открытым небом состояние очень даже ничего. А машины-то почти все легковые. В СССР автомобиль был не столько средством передвижения, сколько показателем статуса. Просто

потому, что являлся дефицитом, как очень и очень многое в то время.

Судите сами. Спекулянты различными путями покупали машины в магазине или на заводе, после чего на авторынке продавали в полтора раза дороже! Автомобиль, уже перешедший в разряд БУ, стоил значительно дороже, чем новый! Страна дураков, йожики курносые!

Поэтому наличие на стоянке такого запредельного по тем временам количества машин само по себе говорило о том, что тут творилось и как народ тянулся в больницу за спасением. Представить себе подобную картину просто страшно. Во дворе мусор, проросшая сквозь асфальт трава и три березки, прямо посредине. В углу, образованном П-образным зданием, видна горка из нескольких черепов. Кости скелетов также присутствуют, но и они все больше у стены или у забора. Посреди двора вообще мусора практически нет. Если не считать мелких камешков от полуразложившегося асфальта. Их постепенно вымывает, но покрытие пока еще сопротивляется времени.

На ступенях скопилось достаточно пыли, чтобы они полностью заросли травой. Прошлогодня пожухла и полегла, а поверх нее уже появилась свежая зелень.

От окон и двери остались только сгнившие коробки. Стекла, осыпавшись осколками, все еще лежат под ними, став мутными и уже утратившими острые кромки, отшлифованные пылью, гонимой ветрами на протяжении десятилетий.

Одна из створок входной двери валяется здесь же, на площадке, покрытая густым слоем лишайника.

Похрустев стеклом под подошвами, Бекеш прошел ко входу. Прислонил велосипед к косяку. Забросил рюкзак на спину. Ружье на изготовку. Уж больно много вокруг собачьего помета. С одной стороны, вроде бы и застарелый. Но с другой, резкий запах все еще присутствует. Осмотрелся и вошел в холл.

Следом за ним в открытый оконный проем влетела сойка. Вроде бы обычная, но в то же время было в ней что-то неправильное. Неживое. В общем-то, ощущение верное. Ведь это не что иное, как мобильная камера, замаскированная под птицу и практически один к одному имитирующая ее. Вот и вторая птичка, она снимает под другим ракурсом.

Вообще-то Шейранов давно привык к подобным камерам, а также ко множеству миниатюрных, которыми всякий раз обрастает место, где он задерживается на сколь-нибудь долгое время. А еще он взял за правило всякий раз проговаривать свои планы вслух, чтобы Перегудов или дежурный оператор были в курсе его намерений. Он ведь снимается в реалити-шоу, а не просто выживает в новом для себя мире.

В холле картина резко изменилась. Можно сказать, кардинально. Целых скелетов нет. Либо зверье растаскивало, либо ветер постарался. Но зато самих костей оказалось на удивление много. А еще койки. Все помещение ими буквально завалено. И коли уж их устанавливали даже здесь...

Остается только удивляться самоотверженности медперсонала больницы, до конца исполнявшего свой долг. Как могли, насколько могли, но они сделали все, на что были способны. Отчего такие выводы? Так ведь койки тут не сами появились. Вон коридоры уходят вправо и влево. И там тоже койки вдоль стен стоят. Наверняка и поликлиника заставлена, и в отделениях негде ступить.

Сергей Федорович невольно осенил себя крестом, отдавая дань уважения своим коллегам. И ведь понимали, что неспособны противостоять эпидемии. Обеспеченность медикаментами в те времена была откровенно никудышной. Так, основной набор. А вот на случай эпидемий... Без вариантов. Если бы в каком-то одном регионе, то пожар потушили бы. Но когда полыхнуло везде, да еще и в условиях потери централизованного руководства... Однако врачи до конца остались на своем посту.

Прошел к лестнице и поднялся на второй этаж. В принципе ему выше, но подниматься дальше, не проверив, что остается за спиной, как-то неправильно. Конечно, все здание ему не обследовать. Но хотя бы окинуть поверхностным взором. И послушать. Звуки здесь раздаются далеко и гулко, так что можно расслышать любое неосторожное движение. Хм. Как, впрочем, и его шаги.

На втором этаже та же картина. Кругом койки, разгром и... Кости, кости, кости. Стало настолько неуютно, словно он, будто какой-то вандал, ворвался в гробницу и потрево-

жил покой мертвых. Едва промелькнула эта мысль, как по спине пробежал холодок и его буквально передернуло. А ведь повидал на своем веку немало. Н-да. Только вот такую картину видит впервые.

Третий этаж. Последний. Дальше пара лестничных маршей выводит на крышу, и они забраны в решетку. Надо же, белая краска до сих пор сохранилась. Она, конечно, стала грязно-желтой, но былой цвет угадывается без труда. На ушках из толстой проволоки висит открытый замок.

Сам не зная зачем, снял его и потянул решетчатую дверь. Та подалась с трудом и зубодробильным скрежетом. Из петель посыпалась ржавая пыль. Пару раз открыл и закрыл. Двигаться стала легче, хотя при этом и скрипит немилосердно.

Дверь в хирургическое отделение открыта и висит на петлях. Внутри все то же. Койки, кости, беспорядок, словно его тут кто-то специально наводил. Возможно, все те же падальщики. Попасть сюда – без проблем. Все нараспашку. Хотя... По идее, все зверье, оставшееся в городе, должно было заразиться. И им уж точно не было бы никакого дела до тел умерших.

Прошел к операционной. Он тут бывал когда-то. Ну, не именно тут, а в здании-двойнике, в своем слое. Словом, где и что находится, знал доподлинно. Шел, стараясь не наступить на кости.

Под ногами что-то блеснуло. Освещение откровенно пло-

хое. Сумрак, это определение подойдет как нельзя лучше. Присел, уложив ружье на колени, и протянул руку к привлекавшему его внимание предмету. Сережка с довольно крупным и все еще прозрачным камнем. Алмаз? Вот уж вряд ли. Он даже навскидку не смог бы сказать, сколько стоил бы алмаз такой величины. Не сегодня, разумеется, а в восемьдесят пятом. Так что скорее всего это какой-нибудь полудрагоценный камень.

Повертел в руках, посмотрел внимательнее под ноги, в попытке найти вторую серьгу и не преуспел в этом. Зато обнаружил цепочку с крестиком, а у стены череп с золотым мостом на четыре коренных зуба. К чему это? Признаться, любопытство и не более. Серьгу и цепочку он аккуратно положил там же, откуда и взял. Осенил себя крестом, пожелав бывшим владельцам царствия небесного. После чего поднялся и пошел дальше.

Ого! А вот тут начинается необычное. Дверь в операционную закрыта. Взялся за ручку, потянул на себя. Угу. Разбухла или была заперта изначально. Да еще и достаточно прочна, так что ни вперед ни назад. Только стекла слегка задребезжали.

Дверь широкая, массивная, покрыта несколькими слоями краски. От времени, перепадов температуры и влажности ее верхние слои шелушатся, но дерево пока не обнажилось. Словом, если она не желает открываться, то выбивать ее нужно посредством топора или кувалды. Но есть у нее

ахиллесова пята. Остекленная верхняя половина.

Чувствуя себя самым настоящим вандалом, Бекеш ударил прикладом по стеклу, тут же осыпавшемуся с жалобным звоном. Н-да. Сорок лет простояло на своем посту, пока не появился он. Угу. Не хватало еще и виноватым себя почувствовать. Как там говорят, не разбив яйца, яичницу не сварить? Вот и он не ради глупого спортивного интереса тут упражняется.

Повытаскивал осколки стекла, забросил вовнутрь рюкзак. Оглянулся, не появились ли гости, и полез сам. Хм. Конечно, с одной стороны, неудобно, но с другой, случись незваные гости, толпой на него не навалятся. Разумеется, Бекеш имел в виду собак. Какому человеку в здравом уме вздумается лезть в больницу? Нет, он-то вполне здравомыслящий, вот только местные в этом серьезно усомнятся. Хм. И вообще-то будут не так далеки от истины. Бродить в этих местах в одиночку – верх безрассудства.

В операционной ничего лишнего. Только то, что должно быть, и не более. Ну да. Это же святая святых. Кто же станет расставлять тут койки. Скорее больных начнут укладывать в два яруса, чем займут площадь операционной, пусть даже и довольно просторную.

Стекла в окнах тут уцелели, хотя и стали невероятно мутными, отчего в помещении было почти так же сумрачно, как в коридоре. Несмотря на толстый слой пыли (и откуда только берется), в операционной был полный порядок. Все лежа-

ло на своих местах. Должно быть, заведующий отделением был человеком строгих правил и не терпел расхлябанности. Иной причины для такого идеального порядка быть не может.

Вот стол, с подготовленными биксами из нержавеющей стали. Эдакие барабаны, различного размера. Сейчас они грязные, но никаких сомнений, открой их, и внутри обнаружится некогда стерильное белье, необходимое для проведения операции. Стол для инструментов пуст. Рядом еще один стол с различной медицинской посудой, частично эмалированной, частично из нержавеющей стали. На соседнем лежат самые разнообразные стерилизаторы.

А вот и предмет его поисков. Стекланный шкаф с тщательно разложенными хирургическими инструментами. Причем все они тускло блестят своей полированной нержавеющей поверхностью. Все разложено в строгом порядке. Отдельно, в специальном держателе, выстроились скальпели, так, чтобы, не дай бог, не повредить режущую кромку. Держатель явно самодельный, из гнутой проволоки, на восемь скальпелей, но сделан очень толково.

Нужно было работать хирургом в советские времена, чтобы понимать, насколько бережно относились к инструменту в больницах. Загуби что-нибудь, а потом жди, когда тебе это поставят. А ведь поставки только раз в год, и далеко не всегда все по списку. Так что ничего удивительного в подобной заботе. Хороший тут был зав отделением, чего уж там.

Бекеш вскрыл несколько биксов и, найдя в одном из них вату, извлек ее на свет божий. Уложил один слой в самый маленький стерилизатор и, сложив все скальпели, переложил еще одним слоем ваты, так чтобы при закрытии крышки плотно их прижать. После этого в другой стерилизатор уложил стеклянные шприцы и иглы к ним. Дальше настал черед общего хирургического набора, который он уложил в большой стерилизатор и также переложил ватой. Еще взял парочку стерилизаторов небольших размеров, так, на всякий случай, и парочку чашек из нержавеющей стали. Все это обернул в ветхие простыни и поместил в рюкзак, значительно прибавивший как в объеме, так и в весе.

Бекеш не без сожаления посмотрел на остающееся богатство. Вдохнул и прикрыл дверцы. Может, когда-нибудь еще вернется. Но сейчас излишне перегружать себя нежелательно. Опять же, сомнительно, чтобы ему понадобились оставшиеся инструменты. А в Георгиевской больнице набор был вполне приличным. Правда, запас никогда не бывает лишним. Но это не его заботы. Есть Вербицкий, вот пусть и ломает голову.

Хруст мусора и стук костей раздались совершенно неожиданно. Настолько, что Бекеш даже вздрогнул. Конечно, может быть, что-то потревоженное им упало с большим запозданием. Такое бывает. А еще это могла набедокурить одна из камер Перегудова. Не могут же они все время летать, так слишком быстро израсходуется энергия в аккумуляторе.

Птичка вполне могла обронить что-нибудь при посадке. Вот только Бекешев не собирался надеяться на авось. В этих местах лучше ко всему относиться с должной серьезностью.

Человек неспособен длительное время пребывать в напряжении. Будь он хоть трижды профессионалом. Потому что любой из нас раньше или позже устает и начинает совершать ошибки, подчас фатальные. Поэтому военного профессионала отличает не постоянная боевая готовность, а быстрая реакция, вбитые рефлексy и способность холодного расчета в экстремальной ситуации. Бекеш и Шейранов были профи, а потому инстинкты и рефлексy обоих, заключенные в одно тело, сработали, как часы.

Мгновение, и приставленное к столу ружье оказалось в его руках, а палец тут же отжал предохранитель. Сам он сместился так, чтобы встать напротив двери, используя операционный стол как дополнительное прикрытие. Именно в этот момент в проеме двери, лишившемся остекления и через который Бекеш, собственно говоря, и попал в операционную, появилась серая тень.

Даже не пытаясь разобраться, что это может быть, Бекеш выстрелил в проем. Гулкий звук ударил по ушам, заставив даже непроизвольно моргнуть и тряхнуть головой. Выстрел из охотничьего ружья в помещении – это серьезно. Звук падения тела собаки он уже не слышал. Ну да. Он опознал собаку, чем-то похожую на восточноевропейскую овчарку.

Впрочем, разбираться с ее породой времени не было. Едва

осознав, что это собака, он тут же понял и то, что избрал неверную тактику. Вот если бы у него было что-то с более вместительным магазином и уж тем более «МЦ-шка»... Но двустволка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.